

Crime & private

Анна Данилова

Миф Коко Банча

«Автор»

Данилова А.

Миф Коко Банча / А. Данилова — «Автор», — (Crime & private)

ISBN 978-5-699-35486-3

Рите Араме – юной супруге преуспевающего доктора Оскара Арамы – можно только позавидовать. У нее есть все: любящий муж, деньги, друзья... Но никто не знает, что на самом деле жизнь Риты – трагедия, а семья – золотая клетка, в которой ее держит боязнь одиночества и страх перед бедностью. Но вот в Ритиной жизни появляется таинственный красавец-грек Амфиарай, и все меняется в одночасье, перед ней открывается целый мир, полный ярких красок и загадок. Впрочем, вскоре Рита понимает: все покупается и продается, и даже она сама – Рита Арама – всего лишь пусть дорогой, но ходкий товар...

ISBN 978-5-699-35486-3

© Данилова А.

© Автор

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. Ушла и не вернулась	6
Глава 2. Вечеринка	7
Глава 3. Происшествие в лесу. Доктор Арама	10
Глава 4. На море	13
Глава 5. Амфиарай: грек, француз, испанец, мадьяр	16
Глава 6. Страсть, безумие, бегство	19
Глава 7. Рай в загородном доме	21
Глава 8. Бедный Саша	22
Глава 9. Оскар и вишневый пирог	24
Глава 10. История необычной семейной жизни	26
Глава 11. Ночной звонок в загородном доме	30
Глава 12. Хроника семьи Арама. Клара	32
Глава 13. Третий миллиона	35
Глава 14. Грецкий орех	38
Глава 15. Визит гиены	42
Глава 16. Друзья по несчастью	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анна Данилова Миф Коко Банча

Всем погубленным страстью посвящается...

Дорогой мифический Митрес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А еще — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитайте, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (франц.)

Часть первая

Глава 1. Ушла и не вернулась

Рита сидела на крыльце, закутавшись в одеяло, и смотрела, как встает солнце. Лес, окружавший большой загородный дом, казалось, спал – так было тихо. Ключья молочного тумана, зацепившись за верхушки высоких елей, таяли на глазах, едва их касался бледный, чуть розоватый солнечный луч. Было свежо, даже холодно, и пахло хвоей, близкой речной водой и слабым ароматом кофе.

Она давно ждала минуты тишины и покоя, чтобы попытаться восстановить ход событий последней недели, и вот теперь, когда тишина наконец наступила, мысли разлетелись, подобно стае бабочек, выпущенных из марлевого сачка... В голове ворочалась тяжелая и ватная пустота. Сердце еще билось, но готово было остановиться в любую минуту, чтобы оборвалась наконец та последняя часть жизни, осознать которую Рита была уже не в силах, как ни старалась.

Вот уже несколько дней (*кажется, семь или десять?*), как она вышла из своей квартиры в сопровождении мужа, доктора Оскара Арамы, направляясь на вечеринку к своим близким друзьям Ащепковым – Вере и Леониду. Но домой Рита не вернулась. *Расхожая фраза из криминальной хроники: ушла и не вернулась.*

Мысль, словно пьяная женщина, устав бродить вокруг парковой скамейки, никак не хотела занять свое логическое место в сознании и ответить на вопрос: что же, собственно, произошло?

Глава 2. Вечеринка

У Ащепковых было много народу, все разодеты в пух и прах, веселые, под икру и дорогой коньяк говорящие о крушении Российской империи (*ни больше ни меньше*), и все тем не менее прекрасно уживающиеся на этом самом последнем витке истории и не желающие поверить в то, что это самое крушение рано или поздно коснется и их холеных тел и низвергнет их, сытых и пьяненьких, в лаву унижительных компромиссов с Америкой или Западом... Пустые и ни к чему не ведущие разговоры, принятые в современном обществе.

Вера Ащепкова, сверкая новыми бриллиантами, отвела Риту на кухню и там, дыша ей в лицо коньячным духом, бухнула:

– Они все дураки... – Она имела в виду гостей, забивших до отказа их огромную квартиру и уже около четырех часов чувствующих себя там как у себя дома. – Но я люблю, когда вокруг меня народ, мне важно чувствовать, что я не одна... – И тут же, всхлипнув: – У меня с Леней все разладилось, он вот уже целую неделю спит с какой-то хохлушкой, Оксаной, своей родственницей, которая приехала из Калуша, поселилась в гостинице и, похоже, не собирается никуда уезжать... Кузина, мать ее... В гробу я видела таких кузин!

– Может, ты все это придумала? – Рита всегда старалась утешить любую женщину, страдающую от ревности. Она почитала это за святой долг.

– Нет, не придумала. Сама видела, в гостинице была, они даже дверь не закрыли... И теперь я совсем одна, понимаешь, одна... Мне плохо, ужасно плохо... А тишина в пустой квартире меня просто добивает...

Вера приготовилась уже заплакать, но Рита ласково потрепала подругу по плечу:

– Не надо... Тем более когда все знаешь. Не надо унижаться, посмотри, как много в твоём доме гостей, они все смотрят на тебя – и мужчины, и женщины, и они ничего не должны знать... Пусть думают, что ты самая красивая и счастливая, глядишь, и сама в это поверишь...

– Ты думаешь, что я на самом деле пригласила сюда этих разряженных попугаев для того, чтобы смотреть, как они будут пожирать все эти рулеты и салаты? Мне нужен фон, понимаешь?

Но Рита ничего не понимала. Больше того, слушая опьяневшую Веру, она вдруг остро почувствовала свое собственное одиночество. И хотя у Оскара, ее мужа, не было на стороне кузины-хохлушки, которой бы он снимал номер в гостинице, его присутствие рядом с ней она уже давно воспринимала лишь как сопровождение, не больше. Он сопровождал ее по жизни вот уже почти десять лет, и все это время она привычно ощущала его заботу и ласку, отеческую опеку и ревность собственника и словно кожей чувствовала на себе его постоянный твердый взгляд, от которого невозможно было спрятаться. Никуда.

– Ты меня не слушаешь... – Вера навалилась на Риту всем телом и почти прижала ее к стене.

– Да нет же, я тебя слушаю... Ты говорила что-то о фоне, что мы все служим тебе фоном. Вот только для чего? И вообще, тебе больше не надо сегодня пить, ты же хозяйка... – Пора было прекращать этот дурацкий разговор и возвращаться к Оскару, иначе он сам появится на кухне и положит конец полупьяным откровениям Веры.

– Для чего? Молчи... – Она довольно грубо зажала ей рот ладонью. – Не для чего, а *для кого*...

Но она так и не успела ничего сказать, потому что на кухню вошел, сияя оранжевым, как апельсин, влажным лицом, сам Леонид Ащепков, ее муж – красивый, уверенный в себе улыбочивый мужчина в песочного цвета костюме и с курительной трубкой в руке. Его голубые глаза излучали радость и удовлетворение. Гостеприимный хозяин, душа общества, он любил собирать вокруг себя друзей, угощать их, поить и приближать к себе настолько близко, насколько это вообще возможно. Именно после таких вот вечеринок завязывались ценные зна-

комства, которые давали начало новым партнерским отношениям и превращали жизнь коммерсанта Леонида Ащепкова, этого «вечного посредника», в *perpetuum mobile* – вечный двигатель. Вычисляя для себя пару интересных друг для друга потенциальных партнеров, одному из которых надо было что-то продать, а другому – купить, Леня всегда так незаметно и ловко устраивался между ними, что мимо его хватких рук не проходила ни одна чугунная болванка, ни одна труба из нержавеющей стали, ни одна мраморная плита: он перекупал и перепродавал фактически все.

– А-а, вот вы где спрятались? А мы вас потеряли... – Леня вытянул из угла едва стоящую на высоких каблуках жену и торжественно поцеловал ее в щеку. – Говорили тост за женщин, а самых красивых потеряли. Пойдемте за стол, девочки, нечего здесь секретничать. Без вас скучно. Кстати, Верочка, ты не знаешь, куда я подевал свою новую трубку? Сашка просит у меня попробовать хорошего табаку, а я не могу найти новую трубку...

– Она в гостинице «Москва», Охотный ряд, 2, забыл? – ледяным тоном процедила Вера и сузила свои не менее ледяные фиолетовые глаза.

Леня сразу же изменился в лице, уголки губ опустились, а лицо пошло красными пятнами.

– Нет, не забыл... – с вызовом ответил он. – Но я не о той трубке, а о другой, которую мне Филлис привез из Испании... А что касается Оксаны, так ее здесь нет, я все сделал, как ты просила...

Рита, не желая оказаться свидетельницей супружеской сцены, поспешила покинуть кухню, вошла в сизую от табачного дыма гостиную и, встретившись глазами с тотчас поймавшим ее в поле своего зрения Оскаром, высоким сухим и загорелым сорокапятилетним мужчиной в светлом костюме и серебристом галстуке, поняла, что вернулась вовремя. Он был озабочен ее отсутствием, но не более, то есть еще не раздражен. Больше того, увидев ее, он даже улыбнулся и жестом позвал ее сесть за стол рядом с собой. Она с трудом протиснулась между стульями, на которых сидели жарко спорящие о чем-то раскрасневшиеся мужчины и молча поедающие что-то со своих тарелок потные женщины.

– Ты была с Верой? – спросил Оскар, нежно обнимая Риту, и осторожно, словно боясь повредить ее тонкую кожу, поцеловал сухими губами шею жены. – Что там такое случилось? Она сегодня не в духе, хотя усиленно делает вид, что счастлива...

– Здесь мерзко, скучно, пошло, Оскар, пойдем домой... Ты же доктор, какие дела у тебя могут быть с этими коммерсантами?

– Леня обещал познакомить меня с одним человеком, который хочет вложить деньги в частную стоматологическую клинику...

– ... и ты решил переквалифицироваться из гинеколога в стоматолога?

– Не язви, малышка... Мы с Леной должны убедить его вложить деньги в мою клинику, точнее, в ее расширение... Думаю, тебе не надо объяснять...

– Вот и собирались бы по этому поводу отдельно, в какой-нибудь сауне или бане! – в сердцах воскликнула Рита, чувствуя, что ее нахождение в этом доме с каждой минутой приобретает характер плена. – Мне здесь скучно, я не хочу видеть этих людей, мне с ними неинтересно... Я бы с большей пользой прогулялась по парку или покаталась в Крылатском на велосипеде...

– Говори потише, нас могут услышать... Ну же, – он взял ее руку в свою и мягко сжал. – Ты же хорошая девочка... Потерпи еще немного... Все эти наши разговоры все равно ни к чему никогда не приводят. И я не виноват, что устраивать свои дела нам, мужикам, приходится именно здесь, делая вид, что мы наслаждаемся обществом друг друга. Ты права, вам, женщинам, совершенно не обязательно присутствовать на подобных застольях. Но таковы правила, и не я их выдумал. Поэтому возьми себя в руки и попытайся получить от сегодняшнего вечера максимум удовольствия. Хочешь, я достану тебе вон ту роскошную виноградную кисть?

И, не дожидаясь ответа, Оскар приподнялся и снял с гигантской банановой грозди венчавшую ее перламутрово-лиловую кисть винограда. И пока его рука несла эту кисть над столом (Рите показалось, что это длится целую вечность), она вдруг увидела весь вечер, до самой полуночи, наперед: вот они с Оскаром выходят из квартиры Ащепковых, он держит ее под руку и жмет к ней, предвкушая тот момент, когда они наконец останутся вдвоем; они едут на такси по ночной Москве, и рука Оскара скользит между ее коленями, напоминая голову довольно крупной змеи, своим упругим и раздвоенным языком пытающейся коснуться самого чувствительного места; теперь они входят в их подъезд, и Оскар, возбужденный до предела, уже в лифте начинает ее обнимать, расстегивать блузку; и вот наконец она лежит в гостиной на диване, устремив глаза в потолок, и считает, как счетные палочки, все удары, сотрясающие ее лоно... И, как всегда, ей удивительны звуки, выражающие мужской восторг, которые исторгает из себя Оскар, и, как всегда, она не понимает, как может быть счастлив мужчина, почти насильно берущий ее – безвольную и бесчувственную...

От всего представленного ее затошнило – привычное состояние, сопутствующее ее близости с мужем. И так все десять лет. Несколько тысяч половых актов, заканчивающихся неизменно одними и теми же стонами и словами благодарности с одной стороны.

Глава 3. Происшествие в лесу. Доктор Арама

Виноград показался ей пресным, как и вся ее нынешняя жизнь. Она вдруг вспомнила недавнее ощущение, которое ей пришлось испытать, случайно подслушав разговор двух женщин в автобусе. Они говорили о простых вещах, о рыночных ценах, предстоящей стирке и о том, стоит ли в борщ добавлять фасоль. Их речь была спокойной, неспешной и преисполненной глубокого смысла. У обеих женщин мужья пили, поэтому им было чем поделиться, поплакаться друг другу. И Рита вдруг почувствовала, что жизнь ее проходит мимо. Что вот у этих женщин есть эта самая жизнь со всеми ее разнообразными красками, впечатлениями, слезами, смехом и заботами, а у нее, у холеной и обеспеченной молодой женщины, не знающей, чем себя занять и попросту бесящейся, что называется, с жиру, нет! Существование в комфортной квартире, оснащенной современной бытовой техникой и выстланной изнутри белым плюшем, шерстью и шелком, было сродни томлению в хрустальном шаре с его безвоздушным пространством и идеальной чистотой. Слово, данное Оскаром Ритиной матери в один из самых тяжелых моментов ее жизни, выполнялось свято: Рите были созданы оранжерейные условия, и никакие потрясения не касались маленькой, но дорогой семейной лодочки, управляемой Арамой. И хотя официально брак Риты Панариной и Оскара Арамы длился уже восемь лет, они стали жить вместе, когда Рите исполнилось всего четырнадцать. Трагедия, разыгравшаяся в семье, улеглась, как море после шторма, стоило всего тридцатипятилетнему Оскару предложить Рите руку и сердце. Сейчас эта история казалась ей полувымышленной и представляла собой обрывки болезненных воспоминаний, связанных с тем, что произошло с Ритой-подростком однажды в лесу, где она отдыхала с родителями. И в памяти остались лишь широко распахнутые мамины глаза и тот ужас, который парализовал ее после того, как она увидела появившуюся на поляне маленькую Риту в разорванном сарафане и босиком. Волосы на голове девочки были в беспорядке: вместо ровной плотной косы – копна спутанных волос с забившимися в них травинками и цветами. По белым тонким ногам Риты текла кровь, а желтый батистовый сарафан был испачкан сажей или землей. На локтях – зеленые от сока травы или хвои ссадины, а под ногтями – черная грязь. Пока родители готовили шашлык на поляне, Риту изнасиловал в лесу неизвестный мужчина, которого так и не нашли. Доктор Арама, знакомый гинеколог, взял на себя заботу о физическом здоровье Риты и уже через несколько месяцев объявил ее родителям о своем намерении связать свою жизнь с их дочерью. Он так часто приходил к ним, наполняя квартиру тихим и мягким говором, букетами цветов и коробками с подарками «для Ритули», так много времени уделял заботе о здоровье «девочки», что семья скоро привыкла к нему и стала воспринимать его уже как близкого и родного человека. Оскар Арама был красивым и воспитанным молодым мужчиной, самостоятельным, состоятельным, насколько это ему позволяла завуалированная приемами в районной поликлинике все же частная практика. Обаятельный и ненавязчивый, спокойный и уверенный в себе, он внушал как пациентам, так и всем, с кем общался, что главное в жизни – это физическое здоровье, и все его тихие и вдохновенные беседы содержали в себе бездну драгоценных советов, прислушиваясь к которым, как всем казалось, можно было легко избавиться от хворей, а также предупредить многие болезни. Большое впечатление на незнакомых людей, в частности, всегда производил его цветущий вид – розовые щеки, веселые блестящие глаза и мягкая улыбка. Высокий, стройный, тщательно за собой следящий и прекрасно одевающийся, доктор Арама был для семьи Панариных идеалом их будущего зятя. Но об этом можно было только мечтать, ведь Оскар, во-первых, был старше Риты на двадцать один год, во-вторых, самой Ритуле в то время, когда с ней произошло это несчастье, было всего четырнадцать. Клара Панарина, мама Риты, довольно молодая еще женщина, и сама втайне имевшая виды на обаятельного доктора, все то время, которое Оскар проводил в комнате ее дочери, постоянно прикидывала, как долго еще Арама останется холо-

стым и дождется ли он совершеннолетия Риты, не женится ли на другой, более подходящей ему по возрасту и положению женщине, поскольку видела, что интерес его к Рите с каждым днем становится все более очевидным. Но всякий раз, видя его, элегантного, респектабельного и явно созревшего для женитьбы, она расстраивалась из-за того, что все ее планы в отношении Риты все же не представляются реальными. Уж слишком велика разница в возрасте, слишком юна Рита, все слишком... А для брака необходима гармония.

Сам факт изнасилования обсуждался в семье за закрытыми от Риты дверями, но в обществе Оскара, довольно долго. Невероятно странная выходила история. Небольшая рощица в пригороде Москвы, открытая для любителей отдохнуть на свежем воздухе, казалось, просматривалась как на ладони. Клара с мужем занимались шашлыком под звуки доносящейся из машины музыки и не слышали ни криков, ничего такого, что могло бы встревожить их. В лесу было тихо, если не считать пения одуревших от солнца птиц да треска горящих поленьев в костре. На вопрос Клары, что произошло с Ритой в лесу, как выглядел напавший на нее мужчина, кричала ли она и почему не бросилась бежать от незнакомца, Рита лишь пожимала плечами и, казалось, не понимала, о чем идет речь. Где-то сутки она вообще не могла говорить. И первым врачом, осмотревшим ее, был как раз Оскар – доверенное лицо лучшей подруги Клары Панариной, Татьяны, ее гинеколог и любовник в одном лице. И хотя Оскар и Татьяна расстались давно, они все равно поддерживали приятельские и даже нежные отношения, которые, правда, последнее время строились уже на взаимном интересе другого рода: Татьяна поставляла ему пациенток и имела от этого проценты. Правда, в случае с Ритой все выглядело иначе. Оскар не взял с Панариных денег за осмотр их изнасилованной дочери. Он произвел необходимый в таких случаях осмотр и спросил ее отца, Виктора Панарина, собираются ли они обращаться в милицию и подавать заявление об изнасиловании, потому что в этом случае ему необходимо будет позвонить знакомому прокурору, чтобы, заручившись его поддержкой, как можно быстрее провести судмедэкспертизу потерпевшей. Но когда понял, что Панарины не собираются поднимать шум вокруг своей беды, считая, что насильника, случайно забредшего в этот лес, им все равно не найти, решил предложить им свою помощь не только в качестве гинеколога, но и психолога. Он уверил их, что сумеет помочь Рите, поскольку, помимо имеющихся у него документов, свидетельствующих об окончании им курсов психологов, у него есть довольно большой опыт работы с женщинами – жертвами насилия. Для Клары же, которой в тот момент было важно, чтобы все, что случилось с ее дочерью, оставалось в тайне, возможность иметь под рукой и гинеколога, и психолога в одном лице показалась подарком судьбы, и она согласилась на частные визиты Арамы, сколько бы они ни стоили. Так Арама вошел в их дом и вышел оттуда уже мужем их дочери.

Первые недели Рита воспринимала его только как своего врача, вяло слушала его наставления, старалась выполнять все его требования и поражалась тому обстоятельству, что родители сквозь пальцы смотрят на их многочасовое общение. Оскар приходил, скажем, в пять часов вечера, после того, как заканчивался прием в его поликлинике, а уходил в полночь! И если первые их беседы были все же связаны с тем, что произошло с ней в лесу (Оскар пытался восстановить в Ритиной памяти всю ее прогулку, просил описать внешность мужчины, напавшего на нее, и дословно передать разговор или угрозы, предшествующие изнасилованию), то позже, убедившись в бесполезности этих расспросов, он заговорил с ней уже совершенно о другом. Он все перевернул вверх дном и вывалил на голову ошалевшей Риты такие мужские откровения, услышав которые ее родители бы немедленно выставили его вон, если бы вообще не подали в суд за растление... Он объяснял Рите природу инстинкта, рассказывал о животных, приносил видеокассеты опять же об образе жизни животных, и на этих простых и роскошных в визуальном плане примерах объяснял, что могло толкнуть неизвестного мужчину на изнасилование. И Рита, успевшая за пару недель (!) прийти в себя и начавшая забывать пережитый ею кошмар, уже с интересом слушала своего доктора, рассказывающего ей о том, как просто и

несовершенно устроен мужской организм и как легко сделать зверя по имени мужчина счастливым. Еще он много говорил о стыде, классифицируя его и пытаясь втолковать девочке-подростку признаки истинного стыда и ложного, особенно когда речь идет об обнаженном женском или мужском теле. Из его пространных речей выходило, что истинный стыд имеет место быть лишь в категории нравственности и морали, но никак не связан с физической красотой. Он ненавязчиво опять-таки возвращал в своей юной подопечной некоторые первичные ростки эксгибиционизма, предлагая ей, по сути, как можно чаще раздеваться перед зеркалом и рассматривать себя, привыкая хотя бы к своему обнаженному телу, не говоря пока о мужском. Рита, слушая Оскара, продолжала какое-то время ощущать себя оглушенной новизной открывавшейся перед ней взрослой жизни и не могла долгое время решить для себя, рассказать ли матери о том, чему учит ее доктор Арама, или нет. И лишь когда они с Оскаром подошли к наиболее опасной теме истинной причины совокупления живых существ, в частности, мужчины и женщины, о браке и его роли в сексуальной жизни людей, она поняла, что никогда не сможет перешагнуть грань стыда, обратившись с вопросами на эту тему к матери. Пусть будет только Оскар с его «кликбезом», ей его вполне достаточно. Тем более что эти разговоры будили в ней непонятные чувства, осложняя и без того непростую ее девичью жизнь. Ведь она, безусловно, помнила все, что произошло с ней в лесу, до мельчайших подробностей. И не только лицо мужчины, с которым она там познакомилась, но и каждое слово, каждое движение. И если с чем-то и не могла справиться ее память, так это с полчищем непередаваемых по силе чувств, которые она испытала там, на жесткой, усыпанной хвойными иголками земле, где ее взял незнакомец. И доктору Араме просто повезло, что его откровенные разговоры с Ритой легли на уже подготовленную, распаханную другим мужчиной благодатную почву этих самых чувств. Иначе скандала было бы не избежать. И оранжерейная девочка вроде Риты (но в отличие от нее не испытывавшая на себе боль и сладость первого соития) непременно поделилась бы с матерью своими мыслями по поводу бесстыдных бесед с молодым и отчаянно смелым, до цинизма, домашним доктором.

Поэтому весной, когда Риту решили повезти на море (последние полгода она находилась на домашнем обучении, а потому могла наверстать школьную программу по возвращении), она нисколько не удивилась, когда узнала, что они едут вчетвером: она, мама, папа и Оскар.

Глава 4. На море

Теплое море, солнце, тихий закрытый пансионат в горах, купанье, игры на свежем воздухе – все это помогло Рите окончательно забыть о перенесенном потрясении, и она снова превратилась в живую и любопытную девочку со всеми вытекающими отсюда желаниями и поведением. И если за завтраком или обедом в присутствии родителей она старалась вести себя тихо и не обращать лишней раз на себя внимание, то, оставшись наедине с Оскаром, напропалую кокетничала с ним, краснела, когда он слегка приобнимал ее за талию или нечаянно касался рукой ее груди. Особенно сильной и веселой она чувствовала себя в воде. Ей казалось, что она рыба, большая и гибкая рыбина, легко выскальзывающая из рук Оскара. Придумав, что она не умеет плавать, Рита с удовольствием стала «учиться», лежа на вытянутых сильных руках своего доктора, стоящего по грудь в голубой воде, чувствуя грудь и животом его прикосновения и пытаясь понять, нравится ли ей это или нет. Но почему-то получалось, что нет. Получалось, что упругая вода ей нравится куда больше, чем руки Оскара. Вода представлялась ей стихией, исполненной невиданной силой и тайной, в то время как худой и уже успевший загореть Оскар по-прежнему производил впечатление очень осторожного и трусливого ухажера. Она знала и чувствовала, что он только и мечтает сотворить с ней то, что сотворил неизвестный счастливчик там, в лесу, но у него для этого не хватает той самой стихийности чувств, того безумия, которое охватило того, другого мужчину. А потому вместо того, чтобы уважать Оскара, она, напротив, потихоньку его презирала. И даже дразнила нарочно, не понимая, что же ею движет на самом деле, помимо ее ребячьей дерзости, разумеется: желание ли досадить влюбленному в нее взрослому мужчине за его пассивность и выжидательную позицию (и это на море, среди буйства красок, тепла, неги и звездных ночей! И это при том, что в соседней с ними комнате – а они четвером занимали два смежных двухместных номера – время от времени ритмично поскрипывает кровать ее родителей?!) или же другое желание, проснувшееся в ней так рано?

Сколько ловушек она расставляла для своего «сопровождающего», пытаясь спровоцировать его на отчаянный поступок, который она представляла себе не иначе как нападение и изнасилование. Она сходила с ума от желания испытать вновь все то, что испытала с обезумевшим от страсти взрослым мужчиной всего лишь в нескольких шагах от поляны, с которой доносились мирные и спокойные голоса ее родителей... Она и заманивала Оскара к себе в комнату, дождавшись, пока родители не уедут куда-нибудь в горы на экскурсию, давая тем самым понять, что они совершенно одни и без присмотра... Или предлагала устроить рано утром на берегу «нудистскую вотчину» с раздеваниями... Но Арама, все отлично понимая, продолжал держаться. И вдруг уже перед самым отъездом из пансионата случилось нечто такое, что разом перевернуло всю ее жизнь.

Однажды после ужина к ней в комнату вошла мама и, страшно нервничая и заикаясь, сказала Рите о том, что Оскар – единственный человек, которого она хотела бы видеть в роли своего зятя. Дальше последовала большая пауза, во время которой Рита почувствовала подкапывающую к самому горлу волну тошноты. Словно мамины слова подействовали на нее физически.

– Но мне же только четырнадцать... Это во-первых... Во-вторых, ты говоришь о своем желании... А как же он? Его желания? Это он тебя послал?

– Не совсем он... – Клара долго не могла решиться произнести это вслух, боясь непредсказуемой реакции дочери. – Он любит тебя, ты же не можешь этого не чувствовать...

– Но он мне о своей любви ничего не говорил, – пожалала плечами Рита, почему-то получая удовольствие от этого странного разговора с матерью. – Вы с папой решили его заморозить на несколько лет, до моего совершеннолетия, чтобы мы могли потом пожениться?

– Нет, мы не собираемся его замораживать, даже наоборот... Просто я не знаю, как тебе это сказать... Но мы, то есть я... хотела бы у тебя узнать, нравится ли тебе доктор Арама, Оскар? Любишь ли ты его или нет?

– Однозначно – нет! – хихикнула в пику всей серьезности матери Рита и покачала головой. – Но, с другой стороны, я и не знаю, что такое любовь... Может, и люблю, он же хороший, заботится обо мне, смотрит на меня, как на божество, это же не может не нравиться. Рядом с ним я чувствую себя взрослее, старше, и мне интересно с ним... Кроме того, то, что он всегда находится рядом со мной, возвышает меня в глазах моих подруг, знакомых, друзей, даже наших мальчиков из класса...

– И ты говорила с кем-нибудь из них об Оскаре? – любопытство взяло верх, и Клара поймала себя на том, что ведет себя пошло, беззастенчиво выуживая информацию из дочери, особенно если учесть причину, заставившую ее затеять весь этот разговор.

– А как ты думаешь? Даже если я не хожу в школу, прикрываясь поздними инфекционными детскими болезнями, обрушившимися на мой еще несформировавшийся, слабый подростковый организм, то это же не значит еще, что я не встречаюсь со своими друзьями, не перезваниваюсь с ними по телефону... Мои прогулки по городу в обществе красивого доктора Арамы не могут не вызывать интереса или даже... подозрения...

– И что же?

– Ничего особенного... Просто все считают, что Оскар – твой любовник! И что он прикрывается мной, как ширмой.

Рита и сама не знала, зачем сказала об этом матери, зачем солгала. Но реакция матери была удивительной. Клара неожиданно улыбнулась, а лицо ее и вовсе приняло довольное выражение. По-видимому, она была счастлива, что оказалась в объятиях Оскара хотя бы на словах, в воздухе. И это тоже не понравилось Рите.

– Так что ты хотела мне все же сказать? Хочешь взять с меня клятву, что я когда-нибудь выйду за него замуж?

– Нет, – теперь уже Клара решила идти до конца. – Дело в том, что после всего того, что ты перенесла, тебе будет очень трудно найти мужчину, с которым бы ты смогла... Ну, ты понимаешь меня...

– ...с которым я могла бы лечь в постель? Ты об этом?

– Примерно, – теперь уже раздраженной казалась Клара. – Мы же с отцом переживаем за тебя. Я перечитала много литературы на этот счет, даже встречалась с женщинами, которые перенесли такую же травму... Многие из них остались неврастеничками... Ты уж извини меня, Рита, что я так прямо... в лоб... И они не устроили свою личную жизнь. Секс стал для них, – она густо покраснела, – запретной областью. Они не подпустили к себе ни одного мужчину... Вот я и подумала, раз Оскар любит тебя и мы любим его...

– Кто это – мы?

– Мы – это значит мы. И я, и отец – мы уважаем его, он замечательный человек... Он знает о твоей беде и никогда не упрекнет тебя, ты понимаешь, о чем я? Рита, ты взрослая девочка, и ты должна понять, что Оскар – единственный мужчина, который может стать для тебя мужем. И теперь все зависит только от тебя...

Но Рита ничего не понимала. Кроме того, что ее родители хотят, чтобы она когда-нибудь вышла замуж за доктора.

– Вы хотите, чтобы я вышла за него замуж?

– Ну вот, наконец! – вздохнула Клара и откинулась на спинку стула. – А то я уж подумала, что ты у меня...

– ...совсем сошла с ума? Так бы и сказала! Открытым текстом: мол, Ритуля, мы бы хотели, чтобы ты вышла замуж за Оскара. Но ведь ему уже тридцать пять...

– Это неважно, – быстро, скороговоркой вставила Клара. – Это совсем неважно. Главное, что мы согласны.

– А что, если я до совершеннолетия влюблюсь в кого-нибудь?

Теперь уже Клара побледнела.

– Боже, Рита, да ты же ничего так и не поняла... Мы с отцом решились на крайний шаг, но только ради твоей же пользы... Ты же понимаешь, что Оскар – взрослый мужчина, что он не может так долго ждать, что за эти два года он может найти другую девушку и жениться на ней... Он же мужчина, и ему нужна женщина!

– Мама... Ты что, хочешь быть с Оскаром до моего совершеннолетия? – У Риты все поплыло перед глазами. – Или же вы уже с ним...

– Господи, Рита, да я пришла предложить тебе стать его женой уже сейчас, без регистрации! – выдохнула Клара и закрыла лицо руками. – И никто ничего не узнает... Он будет жить с нами. А через два года вы поженитесь уже официально. Он согласен. Теперь дело за тобой...

Глава 5. Амфиарай: грек, француз, испанец, мадьяр

Вера Ащепкова все-таки напилась, и Леня незаметно для гостей увел ее в спальню и уложил в постель. Рита, единственная из всех понимающая причину такого поведения хозяйки дома, наблюдала за веселым и неунывающим тем не менее Леней с тщательно скрываемым презрением. Она вдруг представила себя на месте Веры, и холод одиночества накрыл ее с головой. *Если Оскар когда-нибудь изменит мне, я никогда ему не прощу и не останусь с ним...* Она не понимала, как может Вера вообще жить прежней жизнью рядом с человеком, который так подло обманывает ее, выставляя свою супружескую жизнь на обозрение так, словно ничего не произошло, как будто они счастливы...

Задумавшись, она не сразу поняла, что произошло. Какой-то молодой человек, стоя за спиной Оскара, говорил ему что-то на ухо. Громкая музыка, под которую танцевали редкие парочки, заглушала его голос, но понять, о чем идет речь, все-таки было можно. Незнакомец просил разрешения у Оскара потанцевать с ней, с Ритой. И вот они уже стояли полуобнявшись в темном углу гостиной, плавающей в дыму, и мужчина, назвавшийся Раем, шептал ей на ухо милые глупости.

– Вы получили «Оскара»? – шутил он, имея в виду, конечно, ее мужа, а не кинематографическую премию.

– Нет, – хохотала она, радуясь тому, что у нее появилась возможность внести хоть какое-то разнообразие в этот вечер, пусть даже это разнообразие в лице малознакомого молодого мужчины. – Скорее, это он получил меня... вместо премии...

– Не понял...

– А вам и не надо ничего понимать. Вы вот назвались Раем. Вас так зовут – Рай?

– Да, а разве вы не почувствовали, что вот уже несколько минут вы находитесь в самом настоящем раю?

Он очень аккуратно и нежно держал ее в своих объятиях и не позволял прикоснуться своим губам даже к ее щеке, которая находилась совсем близко от него.

– Ваш муж ведь старше вас?

– Какое это имеет значение сейчас, тем более для вас? Вы ведь меня совсем не знаете...

– Почему же? Знаю. Вас, к примеру, зовут Маргаритой, вы – жена Оскара Арамы, у вас нет детей, вы живете...

Она вдруг отшатнулась от него.

– Вы знакомы с моим мужем?

– Я знаком с Ащепковым, который весь вечер пытается заинтересовать меня новым проектом. Он хочет, чтобы я вложил деньги в клинику вашего мужа, а потому, дорогая Маргарита, вы должны быть со мной поласковее, чтобы я согласился.

Он, конечно же, шутил. Уж слишком несерьезное у него было лицо, слишком лукавое и веселое. Он был красив, этот ухоженный мальчик с тщательно уложенными густыми черными волосами и холеной двухдневной щетиной. Белоснежная рубашка, сверкающие на фоне смуглых рук запонки, изумрудного оттенка галстук, прекрасно гармонирующий с такими же незрелыми, как июньская смородина, зелеными глазами. А еще тяжелые веки и красивый, зовущий рот.

– Но какой резон Лене уговаривать вас? Он снова хочет получить свои проценты? – улыбнулась она, чувствуя, что ей приятен этот разговор и этот ироничный тон, который она сама задала и теперь поддерживает, делая вид, что ей все равно, вложит ли этот мальчик в Оскара деньги или нет.

– Здесь каждый сам за себя, разве вы не заметили? И ваш муж тоже не дремлет, он тоже охотник, такой же, как и мы все.

– Но я не охотница.

– Значит, вы – дичь.

– Я здесь никто, если честно. Мне давно хотелось уйти отсюда, и я осталась лишь из-за Оскара и частично из-за Веры.

– Вы с ней подруги? – Он все же коснулся своей щекой ее щеки, и Рите показалось, что она обожглась.

– Нет, скорее приятельницы. Но она мне нравится, она добрая...

Танец закончился, взрослый мальчик по имени Рай отвел Риту на место и поклонился. Он не мог знать, каким вдруг удивительно легким стало ее тело, как не мог увидеть и проснувшееся в ней дикое и хищное животное, почуявшее запах настоящего свежего мяса.

– У вас удивительно красивая жена, Оскар. Я завидую вам... Не хотите выпить со мной за ее здоровье?

Оскар, побледнев, даже привстал, и Рите показалось, что он готов бросить в лицо подвыпившему Раю какую-нибудь резкость. Но вместо этого она услышала:

– Я с большим удовольствием выпью с вами, Рай, и не только за здоровье моей жены. Леня уже успел передать мне о вашем согласии. Поверьте мне, вы не пожалеете о том, что приняли участие в этом проекте. Частный родильный дом – это перспективно. Тем более если учесть, что последнее время наши женщины перестали бояться родов – они стали рожать после сорока!

Для Риты, не имевшей детей и знающей оборотную сторону вопроса, эта тема вызвала раздражение. То, что современные женщины стали рожать в таком позднем, зрелом возрасте, она объясняла не исчезновением страха перед родами, а совершенно другими причинами, первой из которых было желание женщины, как правило, жены преуспевающего бизнесмена, родить мужу наследников. В то время как молодые женщины, до тридцати, но не имеющие даже собственного угла, не могли себе позволить иметь даже одного ребенка. Молодожены с дипломами о высшем образовании, полные сил и физически здоровые, работая за низкую зарплату в фирмах-однодневках, последние деньги отдавали за снимаемое жилье, и никто не знал, что ждет их впереди... А дети? Какие дети, если нет денег? Но в одном Оскар был прав: состоятельные роженицы предпочитали рожать в комфортных условиях, а потому строительство частного родильного дома действительно являлось перспективным делом, тем более что земля, на которой Оскар собирался его построить, уже была полностью выкуплена и только ждала своего часа.

Оскар предложил Раю сесть рядом с ними за стол, налил ему водки и, незаметно подмигнув Рите, чокнулся со своим будущим, как он уже полагал, партнером. Леня Ащепков, мгновенно возникший у них за спиной, успел протянуть между ними и свою рюмку, хрустальным звоном оглушив Риту и заставив ее вздрогнуть.

– Хотели без меня, черти? – Он как-то нехорошо захихикал и опрокинул в себя водку. – Не получится. Где тут у нас песочники, мои самые любимые грибочки? С луком, пожалуйста. Оскар, я вот что тебе хотел еще предложить... Я тут познакомился еще с одним человечком, он занимается немецким медицинским оборудованием...

Рита вдруг почувствовала на своем колене мужскую руку и подняла глаза на сидящего почти вплотную к ней Рая. Ей представилось, что они сидят на большой солнечной поляне, прижавшись друг к другу, и вдыхают запах свежескошенной травы или сена. Вероятно, так свежо пах одеколон этого рафинированного, но с повадками дикого зверька мальчика.

– Здесь душно, – сказал он так, словно его рука жила своей жизнью, а все остальное тело – своей и колена сидящей рядом Риты нисколько его не волновало. В глазах – ни блеска, ни похоти. Ангельское бледное лицо, поражающее своей невинностью и наивностью. – Может, подышим свежим воздухом?

И он, вдруг крепко схватив ее за руку, вывел из-за стола и потянул за собой к выходу. Поступок неслыханный, неожиданный и дерзкий. Все произошло молниеносно. Оскар, занятый разговором с Леней, к счастью, даже не заметил Ритинового ухода. Спустя минуту они стояли уже на лестничной площадке, рядом с открытым окном, и Рай все так же крепко держал ее руку в своей. Шум двора с детскими голосами и шелестом тополей вливался в окно вместе со свежим ветром.

– Вы обманули Оскара? Ведь вы несколько не заинтересовались его родильным домом.

– Не знаю, я еще не решил. Но сейчас я заинтересован куда больше вами.

– Почему вы называете себя Раем?

– Мое настоящее имя Амфиарай, мой дед был греком, а бабка – русская. В моей семье намешено много кровей, есть и французская, и испанская, и даже мадьярская...

– Я не должна стоять здесь с вами, мне надо вернуться к Оскару.

– Он ревнив?

– Да. И мне не хотелось бы, чтобы он нас здесь застал. Вы не знаете его...

– Тогда вернемся. – И он так же, не выпуская Ритиной руки, повел ее за собой к двери.

Ей казалось, что прошел не один час, как она ушла от Оскара. Как ребенок, живущий во чреве своей матери и связанный с ее организмом жизненно важными сосудами и пуповиной, она была, оказывается, накрепко привязана к своему мужу. Но, увидев сквозь толпу танцующих пар мужа, так же увлеченно беседующего теперь уже с другим мужчиной, вероятно, тем самым, которого ему порекомендовал Леня, она почувствовала себя лишней. *Или свободной?*

Глава 6. *Страсть, безумие, бегство*

...Она не поняла, как они оказались в спальне Веры. Идеальное место, где было тихо и Рита могла спокойно, не боясь быть замеченной кем бы то ни было, рассмотреть того, кто осмелился вот уже несколько раз силой овладеть пока только ее рукой. Игра, доставлявшая ей удовольствие, заставляющая пылать ее лицо и чувствовать себя слабой, вялой, но одновременно испытывать чудесное предвкушение любовного потрясения, только еще начиналась. Опасность быть застигнутой врасплох ревнивым собственником Оскаром, уже давно заявившим свои мужские права на ее тело, вносила в эту игру элемент животного страха и даже ужаса. Ведь никогда еще за все время их совместной жизни с Оскаром она не позволяла никому увести себя с вечеринки даже в подъезд под предлогом подышать свежим воздухом. Арама расценил бы ее поступок как преступление, как потенциальную измену, как предательство. Рита принадлежала ему, и в этом состоял истинный смысл их брака. Арама мыл ее по утрам, называя своей девочкой; вытирал досуха полотенцем, приговаривая что-то очень ласковое, нежное и вместе с тем животное, хрипяще-просящее, после чего овладевал ею в ванной комнате или в кухне – там, где его охватывало желание. Он всегда, словно оправдываясь за свою несдержанность (внешне выглядевшую как хозяйская вседозволенность), связывал половые акты с пользой для здоровья, чем сильно злил еще молодую, не собирающуюся ничем болеть и не терпящую всех этих «профилактических» разговоров Риту. Из книг, кино и редких бесед на эту тему с другими женщинами (подруг, как таковых, у Риты не могло быть в принципе, об этом также позаботился ее любвеобильный супруг-однолюб Арама; Вера Ащепкова, к примеру, лишь считалась Ритиной подругой, ее статус был только озвучен, не более, на самом же деле они являлись всего лишь приятельницами) Рита знала, что то, что проделывает с ней муж по утрам, изредка днем и довольно утомительно и долго вечером, меньше всего связывается у других пар со здоровьем. Любовь, на худой конец страсть, о которой она знала лишь понаслышке (но отголоски которой заставляли ее стонать и метаться на горячих простынях во сне, когда она снилась себе распластанной на жесткой земле с качающимися над ней зелеными лапами елей, размазанными по высокому голубому небу кипенно-белыми облаками и смутно различимым лицом мужчины), двигали в основном живыми существами, сливающимися в единое целое, как сросшиеся намертво лепестки двух так непохожих друг на друга цветков. Мужчина и женщина. Факт соития был непонятен ей, и она, отдаваясь во власть сильных и властных рук Оскара, терпеливо и покорно выполняла свой супружеский долг, словно расплачиваясь таким образом за свое комфортное во всех других смыслах существование в браке. Кроме того, ей было приятно осознавать, что ее тело доставляет Оскару такое наслаждение, ведь ей, неразбуженной, было его все равно не понять, хотя с опытом к ней пришла и спасительная, и отравляющая ее все больше и больше ложь, в которой она боялась признаться даже себе: она научилась симулировать оргазм.

Розовые стены, розовое белье на кровати и розовое крепкое тело крепко спящей Веры, которая даже во сне не переставала страдать – брови застыли в трагическом изломе. Далее: запахи крепких духов и крепких напитков, которые к тому же еще и смешались с душным ароматом белых лилий, букет которых стоял на комодике и отражался во всех зеркалах спальни. Вот тот пошловатенький фон, на котором предстояло разыгаться неожиданной, но зато хорошо отрепетированной во снах сцене, смысл которой по-прежнему ускользал от Риты. Она еще не знала, зачем пришла сюда и чего хочет ее тело, ее душа. Спрятавшись за придуманную ею же самой обиду на Араму, якобы бросившего ее ради деловых переговоров и предоставившего ей, таким образом, некоторую свободу действий, она подсознательно уже была готова на что-то большее, и это «что-то» кружило голову и делало ее непредсказуемой даже в собственных

глазах. Кроме того, ее сильно влекло к этому молодому, похожему на рано повзрослевшего мальчика, красивому мужчине. Она едва сдерживалась, чтобы не прикоснуться к нему самой.

Несколько шагов по мягкому и упругому розовому ковру – и они оказались на длинной лоджии, превращенной в зимний сад, заполненный журчанием электрического водопада, с шумом работающего кондиционера и гигантского аквариума.

Рай обнял ее и нашел губами ее губы. Запах сена и цветов, который она вдохнула, казалось, исходил от его кожи и волос. Закрыв глаза, Рита вдруг увидела раскинувшееся над ее головой ярко-голубое небо в пышных, как юбки танцовщиц-виллис из «Жизели», облаках.

Звук тихий и одновременно резкий, как влажный треск разрезаемой плоти – это от затылка и вдоль спины, до самой ложбинки, просвистела, прозмеилась «молния». Плотная эластичная ткань была стянута с плеч, талии, бедер и брошена на плетеное кресло. «Если закричишь, – услышала она прямо над ухом, – я разобью аквариум, проснется Вера, рыбки погибнут, гости бросятся смотреть на тебя, голенькую, а я уже все равно не остановлюсь...» И она молчала. На деревянных досках, под тихий плеск воды в аквариуме и шелест овеваемых ветром комнатных растений Рита качалась в объятиях незнакомого мужчины до тех пор, пока не почувствовала в себе невероятно сильную и сытую бурю, судорожный шторм, после которого наступила оглушительная, ватная тишина. Тело ее обмякло, а взгляд теперь уже с равнодушием скользил по мерцающим в зеленоватой воде аквариума перламутровым рыбкам.

Амфиарай помог ей застегнуть платье и подняться. Тяжело дыша, он достал из кармана платок, вытер пот с ее лба, со своего, потом поцеловал ее и усадил, безвольную, как куклу, в плетеное кресло. Достал ручку, вырвал из блокнота листок бумаги:

– На, пиши...

Она непонимающе смотрела на него.

– Пиши: «Оскар, я жива и здорова. Я позвоню тебе. Рита».

И она написала. Рай, вырвав у нее из рук листок, спрятал его в карман.

– У меня внизу машина.

Пуповина разрывалась на глазах, кровеносные сосуды разлетались в пыль, лопались тонкие перегородки плоти, образуя кровавый, вакуумный тоннель. А впереди была свобода, непредсказуемость, жизнь, заполненная до краев событиями, переживаниями, впечатлениями и переливами чувств.

Они незаметно покинули квартиру Ащепковых, сели в черный запыленный автомобиль, припаркованный прямо возле подъезда, и, резко развернувшись, помчались в сторону Садового кольца.

Глава 7. Рай в загородном доме

Амфиарай спал, раскинув руки на черных простынях, и его совершенное тело обдувал ворвавшийся в распахнутое окно свежий ветер. Вокруг кровати на полу были раскиданы подушки, книги, журналы, пепельницы, коробки с сигарами и конфетами. На столе стояла высокая корзинка, доверху наполненная апельсинами. Еще вчера вечером они служили им, безумным, бильярдными шарами, лениво перекатывающимися по зеленому сукну и не желающими помещаться в лузы. Весь огромный дом служил им вот уже несколько дней, как верный и умный пес. К услугам ослабевших от страсти Риты и Рая был бассейн, джакузи, бар, теннисный корт и четыре спальни. «Ни о чем не думай», – говорил Рай, заметив затуманившийся печалью взгляд Риты, в тот момент, когда мысли ее плавно перетекали к Оскару. «Как я могу не думать о нем, если он наверняка ищет меня, думает обо мне, обзванивает больницы и морги?» В такие минуты она жалела, что была так откровенна с Раем, что рассказала ему многое из своей ранней супружеской жизни. «Ты прожила с этим человеком почти десять лет, что связывало тебя с ним?» «Тебе не надо этого знать», – отвечала она намеренно грубо, оставляя невысказанной ту часть жизни, о которой имел право говорить только Оскар, да и то только как врач. «Мне нравится, что ты так отвечаешь. Но, с другой стороны, этот ответ не подходит для той Риты, которую я встретил там, у Ащепковых. Ты сильно изменилась за последние дни».

Она и сама знала, что изменилась. Сначала морально – ушла от мужа прямо с вечеринки, даже не попрощавшись. Так поступают бунинские барышни, миллеровские стервы, сагановские красавицы и бунюэлевские роскошные шлюхи. Затем физически. Она словно освободилась, разорвала все путы, которыми ее связывал, обволакивал страстный (теперь-то она это понимала) и чувственный собственник Арама. Исчез страх перед ним. «Ну и пусть ищет, находит и упрекает. Мне тоже есть, что ему сказать». Хотя на самом деле ничего такого не было. Просто сама мысль о том, что она встретит здесь, в другой жизни, своего Оскара, казалась ей нереальной. Он там, где-то в кипящей и бурлящей Москве, трудится в своей клинике, прослушивает деревянной трубочкой (похожей на детскую игрушку) вздувшиеся животы своих хронически беременных пациенток. И этот загородный дом с обнаженным Амфиараем, бильярдными шарами в виде апельсинов и мягкими просторными спальнями просто выпал на время из времени и ждет часа, когда ему позволено будет снова превратиться в черную запыленную машину, стоящую возле подъезда Ащепковых, или в гостиную Веры, заполненную подвыпившими гостями, среди которых достопочтенный Оскар Арама собственной персоной...

Она несколько раз выходила на крыльцо, смотрела на встающее солнце и ждала, что вот сейчас что-то произойдет, она откроет, к примеру, глаза и увидит себя уже в своей спальне, рядом с Оскаром. Но пробуждения не наступало. Замирая, она слышала в тишине пробуждающегося утра спокойное дыхание спящего Амфиарая. И эти звуки были так же реальны, как и поднявшийся наконец над верхушками елей косматый огненный шар – солнце.

Глава 8. Бедный Саша

Саша Алфимов вернулся домой за полночь, открыл двери своими ключами и, стараясь не разбудить спящих родителей, прокрался к себе в комнату, заперся и включил лампу. Несмотря на конец мая, вечер выдался прохладным, влажным, несколько раз брызгал скупой, но с громом и молниями дождь. Саша видел собственными глазами, что на этот раз Оскар вернулся домой один. И на такси. Он вышел и, пошатываясь, вошел к себе в подъезд. А поскольку они с Сашей жили в соседних подъездах и внешняя жизнь доктора Арамы для соседей являла собой скучный фильм, сводящийся к приездам домой и отъездам, с женой ли, без жены, то сегодняшнее возвращение Оскара *без жены* стало для влюбленного в Риту Саши событием. Он же видел, как они вместе садились в такси, которое заказывали (новенькое желтое авто с шашечками поджидало их под окнами минут десять), как отъехали, но вот вернулся Арама почему-то один, без Риты.

Саша еще какое-то время сидел, тупо уставившись в стену, завешанную старым персидским ковром, пытаясь осознать, что случилось, пока сон не сморил его. И снилась ему красивая Рита, женщина его мечты, в развевающихся красных одеждах, с разметавшимися от ветра волосами, словом, такая, о которой может только мечтать влюбленный во взрослую женщину шестнадцатилетний мальчик. Его зоркое мальчишеское око поместило в свой очередной волнительный сон все женские прелести: полную округлую грудь Риты (которую он никогда не видел и пока еще только себе представлял) и просвечивающие сквозь прозрачную красную ткань стройные бедра с поленьким темным бугорком меж ними...

Тихий телефонный звонок вырвал его из сладкого полусна, и он торопливо взял трубку, словно кто-то неизвестный мог бы помочь ему в столь поздний час объяснить, что сделал доктор Арама со своей женой, где бросил, куда дел и не убил ли (?!)...

– Да, слушаю. – Сон отступил совсем, и голова стала ясной, пустой и звонкой, как тонкий серебряный колокол.

– Саша? Ты еще не спишь?

Это был женский голос, от которого Сашу бросило в жар. Ему вдруг представилось, что звонит сама Рита, это недостижимое прекрасное облако, это чудесное женское тело, едва прикрытое прозрачным летним платьем, это удивительное лицо с нежными губами и ласковым взглядом.

– Нет, не сплю... Вернее, я сплю, и все это мне только снится.

– Ты меня не знаешь, хотя я и живу в соседнем с твоим доме. Меня зовут Тая.

Услышав конкретное имя, Саша вернулся в реальность и начал лихорадочно соображать, какая еще Тая и с какой стати она звонит ему так поздно.

– Я вас знаю? – спросил он на всякий случай.

– Нет, не думаю... Дело в том, что я немножко выпила, поэтому и осмелилась позвонить тебе... Мой муж в командировке, и я решила пригласить тебя к себе в гости... Ты как, не против?

– Меня? Но почему? Я же вас не знаю...

– Ты нравишься мне, Саша. Видишь, как все просто. Я могла бы познакомиться с тобой уже сто раз и найти тысячу предлогов для этого. Но, как видишь, пока этого не сделала. Ты хочешь, чтобы я время от времени звонила тебе?

– Нет, не надо... Зачем?

Он отключил мобильник и отшвырнул его от себя так, как если бы ему в руки попало что-то мерзкое и неприличное. Щеки его пылали, уши – тоже. Внизу живота набухло и заломило. Тая с внешностью Риты обнимала его прохладными руками, целовала прохладными губами. Чувствуя дрожь во всем теле, он подошел к окну и посмотрел на светящийся редкими окнами

противоположный дом. Где-то там, за одним из таких вот неодушевленных окон, стоит возле телефона и мается от одиночества молодая женщина по имени Тая. *Молодая ли?* Она влюблена в него? Нет, навряд ли. Просто ей скучно, к тому же муж в командировке. Но он нравится ей, как красивый породистый шенок, которого можно пощекотать за ушком, прижать к себе, уложить в ногах, прикрыв одеялом...

Когда снова раздался звонок, он мысленно поблагодарил себя за то, что кто-то из родителей догадался оставить телефон именно в его комнате, иначе два звонка подряд в полночь могли бы разбудить их, и последствия были бы непредсказуемыми. Что может быть хуже ночного звонка пьяной скучающей женщины?

– Запиши мой номер, – услышал он все тот же голос, и понял, что для того, чтобы запомнить семь цифр, ему не понадобится ручка. – *Записываешь?*

Он молчал, чувствуя, какую власть заимела вдруг над ним эта незнакомая ночная женщина. Как странно, подумал он, а ведь я только что мечтал о совершенно другой, о Рите!

– Смажь дверные петли машинным маслом и ничего не бойся.

Какое еще масло? Какие петли? Она что же, думает, что я прямо сейчас и рвану к ней? Сумасшедшая... И снова он отключил телефон. Не выдержал такого потока самоуверенности, решимости и желаний, которые сочились из каждого отверстия трубки. Еще немного, и аппарат примет очертания женского тела... А завтра контрольная...

Саша повернулся к зеркалу и увидел себя, красного, задавленного стыдом и распираемого смутными, зудяще-неистовыми желаниями. Если бы он мог только заставить себя не думать об этих странных существах, именуемых женщинами! Они, эти мечты и сопряженные с ними физические и нравственные страдания, отвлекали его от школьных занятий, от целого шкафа еще не прочитанных книг, которые ему привезли откуда-то из глубинки, – наследство покойной тетки-филолога, от компьютера, наконец! А ведь все свои карманные деньги (он вот уже полгода как подключился к Интернету) он тратил на эту заразу, на эти тошнотворные и вместе с тем любопытные до потери пульса порнографические сайты. Он пытался понять, постигнуть вместе с красотой женского тела его притягательность, заставить себя не думать об этом и о том, что происходит между мужчиной и женщиной, когда они остаются вдвоем. Он знал, что уже совсем скоро его жизнь изменится, что он станет чище, много чище; что он сотрет из памяти все интернетовские адреса этих гадких сайтов, что сожжет где-нибудь за домом, в парке, на поляне, кипу журналов «Playboy» и ему подобных, а купленные на подарочные деньги диски с порнофильмами вроде «Super fuckers» или пресловутой итальянской «Красной шапочкой» оставит на ступенях родной школы, совершая тем самым что-то вроде жертвоприношения... И все ради нее, той женщины, «пленницы доктора Арамы», как он ее про себя называл, которая одним лишь своим взглядом может осчастливить его на всю жизнь.

...Когда же позвонили в третий раз, он, выслушав и запомнив номер телефона, тихо ответил:

– Вы извините, у меня завтра контрольная по алгебре, мне надо готовиться... Созвонимся позже...

Он сказал это так, словно ему только что стало известно, что их разговор кем-то подслушивается. И снова отключился. Предательские мысли о незнакомой женщине, приглашавшей его к себе на ночь, столпились в голове и совсем заслонили, грубо затоптали мечту о Рите. Еще один предатель – сон – навалился на него со всей неотвратимостью и покоем. И победил. Саша, едва успев раздеться, упал в постель и мгновенно заснул.

Глава 9. Оскар и вишневый пирог

Оскар вернулся домой один, с запиской в зажатом кулаке («Оскар, я жива и здорова... Я позвоню тебе. Рита»).

Он нашел ее случайно возле своей тарелки и был уверен, что ее оставила не сама Рита, а кто-то другой, но по ее просьбе. Прошел в дом не разуваясь, чего никогда не позволял себе прежде, налил себе водки и выпил залпом, не закусывая. Затем некурящий Арама закурил.

От Ащепковых он ушел незаметно, ни с кем не попрощавшись и даже не попытавшись найти Риту или расспросить, не видел ли кто, куда она ушла и с кем. Это было бы унижительным и все равно не дало бы положительных результатов. Да и о каких положительных результатах может вообще идти речь, когда Рита его бросила. То, что с ней все в порядке, в том смысле, что она жива-здорова и совершила свой дерзкий побег сама, по своей воле, он нисколько не сомневался. А вот с кем она ушла, он вычислил не сразу, а когда понял, то всю дорогу до дома скрипел зубами от злости и досады. Красивый и дорогой Амфиарай! Счастливый и удачливый коммерсант, делающий деньги из воздуха. Так, во всяком случае, говорил о нем Леня. Этот мальчик нравился и самому Оскару, просто как совершенное существо, как этрусская ваза или чудесный свежий куст молодого цветущего шиповника, как понравилась ему в свое время *маленькая Маргаритка*...

В голову лезли мысли о том, что они заранее были в сговоре и что появление Рая у Ащепковых – всего лишь возможность встретиться и решиться... А не замешан ли Леня? И не заработал ли он свои проценты от другой сделки, не коммерческой, а нравственной: не он ли познакомил эти совершенные создания, чтобы они соединились в безукоризненную пару, давая понять некоторым ослепшим от счастья докторишкам, кто кого заслуживает?

Ты идиот, Оскар!

Он налил себе еще водки и отрезал лимон. Рита не могла быть с ним знакома, это исключено.

Рита – открытый и добрый человек, она предана тебе, она любит тебя, боготворит. К тому же ты прожил с ней десять лет, а это большой срок. И это удивительно, что ты за все эти годы изменил ей всего лишь три раза, да и то... так, позволил себе слабину... По большому же счету, ты всегда любил только ее.

Он откусил сочный и кислый до судорог кусок лимона и заел ложкой сахара.

Безусловно, он ждал звонка. Он не верил, что она не позвонит, а потому сидел часа три не шевелясь на одном месте, ожидая драгоценных звуков: вот она выходит из лифта, покачиваясь на каблучках, вот вставляет ключ в замок, вот открывает дверь... «Оскар? Это я. Устала ужасно. И есть хочу. Ты слышишь меня?» Да, он слышал того, чего не было и, судя по всему, уже не могло быть. Она ушла от него, бросила его, как старый башмак, швырнула прочь, подальше от себя. Но почему? Должна же быть причина...

В два часа ночи он начал бродить по квартире. Ему вдруг пришло в голову, что она могла заранее подготовиться к побегу и взять свои вещи. Но после экскурсии по спальне с заглядыванием в нутро тихих и словно присмиривших шкафа и комода, где все прелестное шелковое, кружевное, бархатное, кожаное и шерстяное лежало, стояло, было уложено и висело на плечиках аккуратно, как, впрочем, и всегда, он понял, что побег не был запланирован, что он был спровоцирован Амфиараем, то есть его жену, Маргариту, унесла стихия...

Он подумал о том, что за вещами его жены могут прийти незнакомые ему люди, и скорее всего бесцеремонные, как и все молодые да ранние, из каких был сам Амфиарай, загадочная личность, человек, о котором никто и ничего не знает, кроме того, что у него водятся деньги, которые он ищет куда бы лучше вложить...

На кухне он нашел пирог с вишней – любимое Ритино лакомство. Еще утром, когда она пекла его, они были счастливы и ничто не предвещало такого чудовищного по своей несправедливости вечера. Их семейная жизнь, в которой царили гармония, спокойствие и здоровые физические отношения, была единственным источником сил и вдохновения Оскара. Только зная о том, что дома его ждет Рита, он мог сутками оперировать своих пациенток, не спать и не есть в предвкушении возвращения домой. Все женщины, с которыми он имел слабость вступать в близость, по сути, изменяя жене, казались ему на одно лицо и не представляли для него никакого интереса уже в первые минуты после близости. Чаще же всего его охватывала после подобных случайных встреч такая апатия, что он чувствовал себя заболевшим. Но он был мужчиной и быстро справлялся с подобным проявлением негативных чувств. Он знал, что нравится женщинам, а потому временами ему требовалось как проверить свои мужские способности, так и лишний раз удостовериться в силе своего обаяния. Это было своеобразным спортом, игрой, которая также составляла часть его мужского существования. Иное же дело – Рита. Сильное влечение, которое он почувствовал тогда, еще много лет назад, к находящейся в шоковом состоянии девочке, со временем становилось только более сильным и не ослабевало даже во время его увлечения очередной женщиной. Он сам для себя объяснял это очень просто: в его отношении к ней присутствовал элемент самого настоящего преступления. И как бы Рита ни старалась подыгрывать ему, он знал, что всякий раз, когда он прикасается к ней, она не испытывает к нему ничего, кроме тщательно скрываемого презрения, помноженного, как это ни парадоксально, на уважение. То, что она никогда не любила его, он знал с самого начала. Да она никогда и не стремилась солгать ему в этом. Он – любит, она – нет. Очень распространенная и прочная тем не менее психологическая конструкция, на которой держится большая часть считающихся счастливыми браков. И, быть может, именно этот фактор и сыграл в свое время решающую роль в тех отношениях, которые сложились между ними еще в самом начале их супружеской жизни и которые *до поры до времени* были взаимно удобны.

Глава 10. История необычной семейной жизни

Рита Панарина попала к доктору Араме в четырнадцатилетнем возрасте и, по легенде родителей, была изнасилована каким-то неизвестным в лесу. Да, в чисто медицинском смысле на ее теле присутствовали явные признаки изнасилования: разрыв девственной плевы, сопутствующее кровотечение, ссадины на бедрах и синяки, оставленные мужчиной, и, соответственно, следы спермы. Но вот поведение девочки с психологической точки зрения не укладывалось ни в какие общеизвестные рамки. Да, Рита казалась подавленной, некоторое время не могла говорить, не говоря уже о том, чтобы отвечать на вопросы, но в остальном она вела себя как маленькая, вкусившая радость первой близости, женщина. И дело было даже не в кокетстве, которым она тогда еще и пользоваться-то толком не умела, а в той благодатной понятливости, с которой Оскар столкнулся уже во время своих первых визитов к Панариным. Договорившись с Кларой о том, что он будет лечить ее дочку от стресса, вызванного изнасилованием, чтобы девочка, оправившись, смогла в дальнейшем построить нормальные, здоровые отношения с мужчиной, он понял, что никакого стресса в отрицательном смысле этого слова и не было (!)... И если что-то и травмировало ее нежную подростковую психику, то не столько сам факт изнасилования, сколько исчезновение из ее жизни того мужчины, которому она отдалась (или которым была взята силой) в лесу. Вероятно, Риту мучило не само изнасилование в его хрестоматийном, унижительном значении, а сомнения в том, что все это произошло с ней наяву, а не во сне, о чем она как-то упомянула в самом начале их долгих бесед на эту тему. К такому выводу пришел явно обескураженный поведением своей пациентки доктор Арама, и именно это впоследствии помогло ему построить свои отношения с Ритой уже не как с пациенткой, а как с чудесной, рано сформировавшейся девушкой.

Характер его визитов, напоминавший в первые дни трогательную заботу молодого еще доктора о девочке-подростке, уже за неделю изменился, и вектор его чувств очень скоро оказался направленным совершенно в другую сторону. Доктор Арама влюбился как мальчишка, и двадцать один (!) год разницы в возрасте растаял, как сливочное мороженое в июльское пекло... Мало того, что Рита оказалась умна (что для Оскара было немаловажно, поскольку большую часть времени они все же проводили в разговорах на самые разные темы, и Оскар был приятно удивлен, что его пассия начитана и хорошо разбирается в искусстве), она к тому же в свои четырнадцать вполне созрела и как женщина. Он понял это во время первого осмотра, успев, помимо интересующей его, как гинеколога, определенной части тела, разглядеть и начавшую красиво полнеть нежную грудь с бледными сосками, и тонкую талию, и идеальной формы бедра. Умные и чуть насмешливые взгляды, которые бросала на него его юная пациентка, он уже тогда принимал как вызов, не понимая, что Рита, все еще находящаяся под гипнозом своей внезапно вспыхнувшей страсти к незнакомцу (которого они впоследствии будут называть почему-то *лесником*), непроизвольно сравнивала его со своим первым мужчиной. И вот тогда Оскар, рискуя своей карьерой и добрым именем, решился на отчаянный шаг: он, «работая» с Ритой и загружая ее огромным количеством психологических тестов, без труда подвел *девочку* к мысли о браке как единственном способе выхода из якобы существующего психологического же кризиса. Как антиквар, случайно обнаруживший никем еще не замеченный шедевр и пожелавший во что бы то ни было купить его, Оскар решил как можно быстрее заявить свое право на Риту, связав ее брачными узами. И в этом ему сильно помогла Клара, потенциальная теща, которая в нем души не чаяла и которой он нравился так сильно, как может нравиться даже не столько будущий зять, сколько мужчина и человек вообще. Не сопротивлялся и отец Риты, потенциальный тесть. Оставалось только спросить девочку...

Сейчас, десять лет спустя, когда Арама вспоминал то время, ему становилось не по себе от сознания всей легкомысленности и даже преступности этого заговора взрослых. А ведь

все тогда преследовали исключительно свои, личные цели. Родители Риты хотели заручиться согласием Оскара на брак с их *подпорченной* дочерью (фраза Клары Панариной после трех рюмок коньяка на следующий день после того, что случилось в лесу), чтобы быть уверенными в том, что они отдали ее, как внезапно заболевшую дорогую и породистую собаку, в хорошие руки. Их цинизм так и просвечивал за трагической маской оскорбленных за дочь родителей, и именно он-то во многом развязал руки Оскару, позволив ему поселиться у Панариных до достижения Ритой совершеннолетия, когда их отношения можно будет оформить уже официально. Чудовищный план, аморальный, безнравственный, был ими, однако же, принят и поддержан сгорающим от страсти к Рите Оскаром. А почему бы и нет? И что греховного в том, что сожитель их несовершеннолетней дочери будет жить с ними, со всей семьей, под одной крышей? Их связь будет только у них на виду, и разве придет кому-то чужому в голову, каковы истинные отношения, связывающие доктора и пациентку, если рядом денно и нощно находятся ее родители?! Но если Клару понять было легко (Оскар подозревал, что она влюблена в него и даже где-то на подсознательном уровне на что-то надеется), то поведение Виктора Панарина, тихого и спокойного человека, отца, дочь которого совсем еще недавно изнасиловали, вызвало по меньшей мере удивление. Его согласие на сожительство его травмированной дочери с доктором надо было еще осмыслить, понять, чтобы не случилось так, что прозрение отца наступит позже, когда изменить что-либо будет уже невозможно.

Разве он не понимал, что девочке требуется душевное спокойствие, а не скоропалительный гражданский брак, пусть даже и с доктором? Но шли дни, Панарины обговаривали детали совместного существования (где будет спальня молодых, отдельно или вместе пары будут питаться, и прочее, и прочее...), так и не выяснив до конца, согласна ли на этот, попахивающий криминалом, сговор сама Рита. Виктор своего мнения так и не изменил. И тогда Оскар, однажды поставив себя на его место, почти понял причину его согласия: ему, вероятно, было трудно представить на месте мужа своей дочери какого-то другого мужчину, не Оскара, словно все остальные мужчины, которые могли бы случиться в ее жизни, были похожи в его глазах на *дремучего и грубого лесника*.

Понятное дело, Клара не раз пыталась выяснить мнение Оскара по поводу того, как же отнесется сама Рита к тому предложению, которое уже назрело и готово было быть высказанным вслух всеми троими взрослыми. И всякий раз оказывалась недовольной, узнав, что, несмотря на их предельно доверительные отношения, конкретного разговора на эту тему они не вели. И он не лгал. Они не говорили, ни о чем не договаривались, просто так случилось, что спустя несколько недель после их первой встречи Рита, уже на море, куда они выехали вчетвером («мама, папа, я и Арама») и поселились в закрытом частном пансионате в горах, сама, первая, начала провоцировать его на близость. Когда же он попытался что-то предпринять на этот счет, например, сделал вид, что нечаянно коснулся ее пониже живота в море, где он якобы учил ее держаться на воде, хотя она явно симулировала, что не умеет плавать (о чем ему сразу же поторопилась доложить издали ревниво наблюдающая за развитием их отношений Клара), Рита ясно дала понять, что все это только игра и что никакого продолжения быть не может. Она ничего не говорила, но Оскар прочитал это в ее взгляде. И вот в таких вот попытках прошла неделя, другая... Но однажды, лежа на горячем песке и слушая плеск волн, Оскар, глядя, как сверкают на солнце уже наполовину выгоревшие волосы дремлющей Риты (целое утро она мучила его тем, что просила то намазать ее плечи кремом от загара, то застегнуть купальник сзади, то купить ей инжиру или орехов, то поучить ее плавать «как следует», и под конец, сморенная водой, солнцем и сытным обедом из жареной форели и легкого красного вина, уснула), вдруг понял, что происходит и чего добивается от него сильно похудевшая и загоревшая буквально за несколько дней Маргарита, и от собственных же мыслей пришел в ужас...

Ему стало стыдно, что он, врач с несколькими дипломами, дающими право на медицинскую практику, и опытом работы исключительно с женщинами, так поздно понял мотивы довольно дерзких поступков своей подопечной.

Как ангел чувствует за своей спиной сильные большие крылья, так и он, полагаясь исключительно на доверие к нему четы Панариных, отправившихся вновь осматривать очередной дендрарий, вошел в залитую оранжевым закатным сиянием комнату, где заснула с книжкой в руках их единственная дочь и, мягко разбудив ее поцелуями, сказал, что любит, что хочет быть с ней и что ее отказ будет для него смертельным. Не раскрывая глаз, Рита взяла его голову в свои руки и, как-то счастливо и глубоко вздохнув, потянула его, всего дрожащего и леденеющего от страха и желания одновременно, к себе в объятия. Она снизошла до него, позволила ему сыграть роль своего лесного возлюбленного, но когда все закончилось, пожалала плечами и отвернулась к стене. Она была разочарована, но не смогла откровенно ему в этом признаться. Игра во взрослую женщину завораживала ее и интриговала своими последствиями. «Ты теперь будешь жить с нами?» Она впервые обратилась к нему на «ты», чему не могла не способствовать ее отчаянная нагота и то, что только что произошло между ними. Натянув на себя до подбородка простыню, доктор Арама, повернувшись лицом к затылку своей смуглой возлюбленной и уткнувшись в ее пахнувшие морем и каким-то фруктовым шампунем волосы, прошептал, что да, он теперь будет жить с ними. «С тобой, вот так». И он крепко обнял ее, прижал к себе и замер, слушая, как бухает где-то пониже живота его сердце. «Мне мама сказала, что вы хотите...» Она снова съехала на привычное «вы» и тут же, поправившись, добавила: «Только жить будем с тобой в дальней комнате и запираемся на ключ».

Они вернулись в Москву, Оскар вложил немалые деньги в ремонт большой, но сильно запущенной панаринской квартиры, купил мебель и, сильно переживая, что не уживется с Кларой и Виктором под одной крышей, постепенно переехал туда с минимумом вещей, компьютером и коллекцией настольных книг. Для окружающих, однако, он по-прежнему жил у себя, в своей собственной квартире в старом доме в Брюсовом переулке, где изредка принимал гостей, преимущественно своих коллег по работе или пациенток, желающих поближе познакомиться со своим доктором в более камерной обстановке, и где, как правило, он и получал от них свои скромные гонорары.

Понятное дело, что постоянное присутствие рядом Клары и ее мужа сильно отравляло жизнь Оскара и вносило в его отношения с Ритой элемент пошлости и какой-то болотной затхлости. Все эти утренние сборы на работу и в школу, когда приходилось подолгу дожидаться своей очереди в ванную или туалет, скомканные и торопливые завтраки с молочными кашами и жирной ветчиной, обмен взглядами, любопытными, с одной стороны, и прячущимися – с другой, обильные и долгие ужины с непременно котлетами и картофельным пюре, во время которых доктору Араме приходилось поддерживать разговор, и много чего другого, омерзительного по причине сомнительности самого пребывания Оскара в этом доме, – все это не могло не отразиться на Рите. Все понимающая и тонко чувствующая фальшь со стороны заботливых до патологии родителей, она стала пленницей в собственном же доме и практически не выходила из своей комнаты. Оскар все чаще и чаще стал привозить ее к себе. Обычно они садились в машину под покровом ночи, и он вез свою маленькую жену в Брюсов переулок, чувствуя себя чуть ли не растлителем, преступником. У Оскара дома Рите нравилось все. И просторные, чистые комнаты со свежим кондиционированным воздухом, и хорошая классическая музыка, которая начинала звучать, едва Арама переступал порог своего *холостяцкого* жилища, и даже сам Оскар, который на своей территории словно преображался и превращался совершенно в другого человека с открытым взглядом, открытой улыбкой и распахнутым сердцем. Случалось так, что, не успев приготовить домашнее задание дома, Рита занималась за письменным столом Арамы и даже просила его помочь ей по химии или геометрии. «У тебя полностью отсутствует пространственное мышление», – говорил ей Оскар, на сырых картофелинах объясняя

ей правила сечения, в то время как Рита сидела у него на коленях и на ней, кроме маленьких коралловых бус, не было ничего. Ради таких вот блаженных часов, проведенных в тишине, где не было места чужим голосам и запахам, Арама с Ритой и терпели последние месяцы своего проживания вместе с ее родителями. Когда же ей исполнилось шестнадцать, Оскар, воспользовавшись своими связями, довольно быстро получил разрешение местной управы на брак, после чего была сыграна свадьба, и *молодые* на месяц отправились в Египет.

... Доктор Арама уснул в своем кресле лишь под утро, так и не дождавшись звонка. Записка, написанная рукой его жены и продиктованная ей мерзавцем Амфиараем (он словно слышал его голос и даже видел его, тискающего его ненаглядную Риту где-нибудь в подъезде или в прихожей ащепкинской квартиры, мечтая поскорее умыкнуть ее, но прежде решив предусмотрительно запастись этим сомнительным документом), валялась рядом на полу.

Глава 11. Ночной звонок в загородном доме

Молодое тело Рая, его непохожесть во всем на Оскара, его резкость и ласковость, категоричность и бешеный темперамент поначалу оглушили Риту, не привыкшую к таким бурным отношениям с мужчиной, а потому превратили неделю добровольного плена в загородном доме своего молодого любовника в испытание. У нее было не так уж и много времени на осознание того, что с ней происходит. Она уединялась лишь, когда Амфиарай спал. *Я должна проснуться, так больше не может продолжаться, ведь Оскар там сходит с ума, я должна ему хотя бы позвонить и успокоить, что я жива...* И она говорила об этом проснувшемуся Амфиараю, но в ответ слышала каждый раз одно и то же: *я оставил ему записку, он все понял, он знает, что ты со мной...* Но откуда ему знать, где она и с кем ушла? Записка – пустяк, она не может остановить такого дотошного и педантичного человека, как ее муж. Он непременно станет ее разыскивать, обратится в милицию, и ее, Риту Араму, будут искать, вернее, начали искать уже спустя три дня после ее исчезновения. Если не раньше. И если Оскар был внимательным, а он всегда внимателен, особенно если речь идет об его Рите, то он не мог не заметить, что она вышла из гостиной Ащепковых вместе с Амфиараем. К тому же они и выпали из поля его зрения как бы вместе. И если учесть, что почти все общество, собравшееся на ту злосчастную вечеринку к Вере, состояло из друзей, приятелей и знакомых Лени, то первый, к кому обратится Оскар с вопросом, кто такой Амфиарай и где его можно найти, будет именно он. С другой стороны, Оскар больше всего на свете боится показать себя в невыгодном свете, это его жизненное кредо. И он, чтобы не унижаться, выпытывая у Лени адрес Амфиарая, будет до последнего пытаться разыскать его сам. Хотя возможен и другой вариант: Оскар, потрясенный исчезновением жены, забудет о своих дурацких принципах и бросится к Лене, умоляя его чуть ли не на коленях помочь ему найти этого проклятого грека или ассирийца...

Вечером шестого дня воскрес сотовый телефон, который считался умершим. И Рита поняла, что ее обманули, что Рай просто не хотел, чтобы она звонила Оскару, и поэтому что-то сделал с телефоном, возможно даже, просто вынул батарейку. Она видела, как это смуглое животное, не стесняющееся своей наготы, с полотенцем на плечах скрылось в обнимку с телефоном в соседней комнате и там довольно долго разговаривало с кем-то. После чего Амфиарай вернулся с довольной улыбкой на лице, подошел к примостившейся на краешке софы Рите, встал перед ней на колени и сказал, что у него для нее есть сюрприз.

– Рай, мне не до сюрпризов, отвези меня домой... Я устала, я боюсь, я сама не знаю, что со мной...

– Я люблю тебя, и ничего не бойся. У меня большая квартира на Варварке, туда я тебя сегодня и отвезу. Но прежде, – и он обнял ее бедра, обвился вокруг них виноградной лозой, поцеловав едва заметный шрам на левом колене, – мы заедем с тобой в одно волшебное место, где я так люблю бывать и где будешь бывать теперь и ты...

– Мне нужно собраться? Что мне делать? – Она несколько растерялась. Мысль о том, что они поедут на машине, из которой она постарается выскользнуть, добраться до дома и броситься в ноги Оскару, согревала ее и придавала сил. Главное, чтобы *он* ничего не заметил.

– Собираться? Нет, за тебя это сделают другие люди. Ты должна просто жить и ни о чем не задумываться. Только ты не думай, что я буду для тебя таким же цербером, как и твой муж...

– Он не цербер, – вырвалось у нее.

– Все равно, насколько я знаю, он взял тебя совсем девчонкой и превратил в свою наложницу, попросту говоря, купил тебя у твоих же родителей...

Рита почувствовала, что ей стало трудно дышать. Амфиарай знал историю их раннего скоропалительного брака, а это могло означать только одно: он заинтересовался ею прежде, чем они встретились у Ащепковых.

– Скажи, откуда тебе все известно обо мне? И почему ты выбрал именно меня?

Разумеется, похожие вопросы задавались ею и раньше, но Амфиарай лишь отмалчивался, а чтобы она не смогла продолжить свои расспросы, закрывал ей рот поцелуями. Теперь же, отойдя от него подальше, она повторила свой вопрос и вся напряглась, боясь услышать нечто такое, от чего ей станет еще более беспокойно, если не страшно.

– Я видел твои фотографии у Лени с Верой; они, когда я бывал у них, показывали мне свои фотоальбомы и даже любительский фильм... Вообще-то я терпеть не могу все эти пьяные, как я их называю, съемки, где сюжет всегда один и тот же: пьяные красные рожи за столом лыбятся в кинокамеру...

– Ты что, часто бывал у Лени? Ты давно их знаешь?

– Где-то с полгода, а что?

– Нет, ничего, просто интересно... – Ей хотелось стать маленькой птичкой и вылететь в окно. Стыд прожег ее до самых пяток. Она изменила мужу, предала его и все десять лет совместной жизни. И все это ради чего? И какой ветер несет ее в неизвестность?

– Так вот, – продолжал между тем Рай, целуя ее колени, – меня привлекла там одна молодая женщина. Необыкновенно красивая, она резко выделялась на фоне остальных. Мне Ащепков тогда так и сказал: а это наш бриллиант, Рита Арама.

– Ты серьезно?

– Конечно. Он же мне и рассказал о том, что Арама женился, когда тебе только исполнилось шестнадцать. Это правда?

Правда в том, что он стал моим мужем, когда мне исполнилось четырнадцать.

– Да, правда.

– И хотя меня тогда совершенно не интересовала твоя супружеская жизнь и тем более подробности ваших отношений с Оскаром, эту информацию я, как видишь, запомнил... А ведь ты мне так и не сказала, зачем ты так рано вышла замуж. Насколько я понял, ты нигде не училась, то есть не получила образования, не имеешь специальности... Как же твои родители могли допустить такое? Они что, были на все сто процентов уверены в том, что твой доктор никогда не бросит тебя, не найдет другую девочку или, наконец, что он будет жить вечно? Разве можно жить, находясь в постоянной зависимости от кого бы то ни было? Тебе не страшно?

Глава 12. Хроника семьи Арама. Клара

Вот так просто и прямо с ней еще никто не разговаривал. Образование. Ей в течение всего года, пока она училась в десятом классе, внушали мысль о том, что ей незачем учиться, поскольку учиться должен лишь тот, кто в дальнейшем собирается работать, делать карьеру. Ее же удел – быть женой Оскара. *Зачем тебе, глупенькая, учиться, когда у твоего мужа столько денег?* Эти слова принадлежали ее матери, Кларе. Рита, доверяющая матери, слушала ее, и на примере жизни самой Клары, которая никогда в жизни не работала по специальности (в ящике комода хранился диплом швей-мотористки, хотя работать приходилось кем угодно, начиная от продавца в молочном магазине до повара в правительственной столовой), вскоре тоже пришла к выводу, что учиться вовсе не обязательно. У нее, в отличие от подружек-ровесниц, не связанных замужеством и готовящихся куда-нибудь поступать после школы, было множество друзей, не менее важных (опять же таки, по словам Клары) обязанностей. «Думаешь, моя дорогая, вышла замуж и все? – с некоторой раздражительностью сказала ей однажды Клара, и Рита тогда так и не поняла, почему мать разговаривает с ней таким тоном. – Теперь ты должна заняться обустройством вашей новой квартиры (речь шла о квартире, которую Арама купил сразу же после свадьбы, а первую, в Брюсовом переулке, они потом только сдавали), принять участие во всем, что будет касаться ремонта и покупки мебели, ковров и даже постельного белья... Это только на первый взгляд все кажется таким простым, на самом же деле для тебя это будет настоящим испытанием...»

Это сейчас взрослой Рите понятны чувства ее матери: Клара завидовала дочери, которой с неба упал не только хороший и богатый муж, но и достаток, о котором можно было только мечтать. Ей тогда и в голову не приходило, что Рита в силу своего возраста все равно не оценит все те блага, которые обрушились на нее сразу и, получается, на всю жизнь. Что же касается разговоров об обустройстве новой квартиры, то здесь Клара попросту измывалась над своей совершенно неопытной в этих вопросах и очень далекой от всего этого дочерью. Ожидая от Риты растерянности, в результате которой непременно последовала бы одна ошибка за другой, Клара была сильно разочарована, когда узнала, что Арама нанял дорогого дизайнера, который и проследил за всеми ремонтными работами и который сам лично занимался выбором и покупкой всего необходимого. Так что Рита въехала в новую квартиру, даже *не выпачкав и пальца в мелу*. Опять же таки выражение Клары. И вот тут-то между Арамой и семьей Панариных произошел разрыв, можно даже сказать скандал, в результате которого они потом практически не встречались. Дело в том, что как только Рита покинула родительский дом и переехала с Оскаром в новую квартиру, ее мать Клара, привыкшая вмешиваться в семейную жизнь своей дочери и считающая, что имеет полное право распоряжаться имуществом и деньгами Риты и Оскара, поскольку Арама за целых два года своего тайного сожительства с Ритой успел приучить ее к этому, ринулась и туда наводить свои порядки и, понятное дело, встретила жесткий отпор со стороны зятя. Являясь уже официально мужем Риты, Оскар с молчаливого согласия Риты, которая уже во время самого переезда была на грани нервного срыва из-за несносного характера своей матери, старавшейся из всего извлечь свою материальную выгоду (еще бы, ведь с уходом Арамы она лишалась весомой материальной поддержки, благодаря которой все два года ни в чем себе не отказывала и даже успела приобрести две шубы и подержанный BMW, не считая кое-какого золотишка и даже колечка со скромным бриллиантом), объявил своей теще, что у нее есть своя квартира, своя, наконец, жизнь и что Рита теперь замужняя женщина и не нуждается в материнской опеке. «Послушай, Оскар, – цеплялась Клара за последнюю возможность хотя бы что-то урвать, что-то отхватить напоследок, – но ведь у Риточки нет никакого образования... Ты не подумал об этом? А что, если ты заболеешь, к примеру? Или умрешь? И что же будет? Она останется без специальности, с ребенком на руках...» С

ребенком она, конечно, загнула, но какая-то правда, безусловно, в ее словах была, а потому вежливый и воспитанный Арама счел своим долгом объяснить зарвавшейся теще, что квартира полностью оформлена на Риту, так же, как и одна из трех машин. Кроме того, Рита же является собственницей двухэтажной дачи в Переделкине. Помимо этого, в банке у Риты тоже лежит довольно внушительная сумма. Открыт и валютный счет. Оскару даже пришлось специально приехать к Кларе с документами, чтобы успокоить ее и доказать, что вся эта недвижимость и деньги существуют в реальности, что он ее не обманывает. (Присутствовавший при этом дурно пахнувшем разговоре Виктор все время молчал, по всей вероятности испытывая страшный стыд за свою жадную и мелочную жену.) Когда же и после того, как были предъявлены все документы, подтверждающие, что Рита обеспечена на много лет вперед, Клара не успокоилась и потребовала какого-то залога, который якобы должен будет остаться в семье Панариных в том случае, если Арама решит вдруг бросить Риту, Оскар понял, что еще счастливо отделался, связавшись с этой семьей.

– Клара, что вы хотите? Конкретно? Денег?

– Можно и золото, – снизошла она.

– Вы хотите, чтобы я откупился от вас?

– Нет, Оскар. Вы прекрасно понимаете, чего я добиваюсь. Вы сожительствовали с моей дочерью целых два года, и я на это глаза закрывала, потому что знала – вы не обманете меня и женитесь на ней...

– Я и женился. Я люблю вашу дочь.

– Да, но так же, как вы влюбились в нее, вы позже, когда Риточка постареет, влюбитесь еще в кого-нибудь, и что тогда останется ей? Жалкая квартира? Занюханная дача? Ржавая железка с красивым названием «Мерседес»? Валюта, которая будет проедена и от нее останутся лишь воспоминания?

– Предлагайте...

– Купите своей любимой жене золотые часики, бриллиантовое кольцо, несколько колец, словом, то, что не обесценится никогда, и это в трудную минуту можно будет без особых потерь превратить в средства существования.

– Но у нее и так все есть. Вы же знаете. Я за свадебное кольцо отдал двенадцать тысяч.

– Тем проще. Отдайте мне все это в качестве залога, а Риточке купите все новое. И тогда я от вас отстану. – Она прикусила губу. Поняла, что сказала лишнее. Опошшила и свела к грубой сделке счастье своей дочери.

– Я не собираюсь вам ничего отдавать. Больше того, – расвирепел Оскар, вставая, – я могу сделать так, что вы никогда больше не увидите с Ритой, а следовательно, не сможете получить с нее ни копейки.

Клара побелела.

– ... но я не сделаю этого, чтобы только не травмировать ее. Мы поступим следующим образом. Да, в чем-то вы правы, жизнь – штука непредсказуемая, и Рита сама может бросить меня и уйти к более молодому мужчине, ведь вы это хотели сказать?

Клара молчала, уставившись в пространство.

– Я пойду вам навстречу, соберу все Ритины драгоценности и попрошу ее положить их на хранение в банк, но это все, Клара. Пусть она живет спокойно и ни о чем не переживает. А вас чтобы я у себя дома не видел, вы слышите меня? Я и так достаточно натерпелся за два года.

Ему хотелось, конечно, бросить ей в лицо многое, выговориться, произнести наконец ту цифру, исчисляемую не одной тысячей долларов, которые он, как-то подсчитав под настроение, потратил исключительно на саму Клару, но сдержал себя, промолчал. И у него была на это причина. Дело в том, что Оскар потихоньку занимался продажей наркотиков, о чем никто не догадывался, а потому разговор о деньгах мог рано или поздно свестись совершенно к другому

– к источнику этих самых денег. Поэтому-то он и остановился. И пусть даже Клара думает, что свои деньги он зарабатывает исключительно гинекологией, все равно ему не стоило рисковать.

Понимая, что для таких людей, как Клара, материальная сторона жизни всегда намного важнее моральной, Оскар, как бы ставя точку на этой теме, достал бумажник и положил на стол несколько сотенных купюр.

– А это вам от Риты... Если она захочет, то сама вам позвонит.

И ушел. В тот же день бригада мастеров поставила в их квартире две металлические двери, сигнализацию, а два других человека по рекомендации того же Лени Ащепкова встроили в стену спальни сейф, куда Оскар вскоре переложил большую часть денег и ценностей, хранившихся у него прежде в тайниках в Брюсовом переулке.

Рита целиком и полностью поддерживала все действия, направленные Оскаром на разрыв с ее матерью, и была счастлива от сознания того, что это именно она является теперь хозяйкой столь большой и прекрасно обставленной квартиры и что теперь ей решать, что готовить, покупать, как распоряжаться деньгами и, главное, как вообще жить дальше, тем более что сам Оскар поощрял это ее стремление к самостоятельности. Хотя эта самая пресловутая самостоятельность уже очень скоро все равно обрела свои границы – они совпали с границами их квартиры и лишь частично с Центральным округом Москвы, где Рита изучила все магазины и рынки. Развлечения, которым она предавалась, пока Оскар был на работе, сводились к просмотру видеофильмов, слушанию музыки и игре на компьютере. Ну, еще безобидный пасьянс и нейтральные разговоры с приятельницами по телефону. Что касалось остального (театры, кино, выставки, рестораны, вечеринки), то все было срежиссировано Оскаром вплоть до Ритиной линии поведения и нарядов. И в целом получалось, что Рита должна была быть счастлива!

Однако она ушла от Арамы. От человека, к которому, как ей казалось раньше, она приросла и в сердце которого пустила корни.

Глава 13. Третий миллиона

– Ты молчишь? Не хочешь отвечать? Ну и не надо... – Теплая виноградная лоза скользнула вниз и распласталась на ковре. – Я счастлив, что увез тебя. Теперь ты будешь только моей...

– Оскар тоже так говорил, – не выдержала она. – Неужели вам, мужчинам, так важно быть собственниками?

– Да, без этого я, к примеру, и не ощущаю себя мужчиной.

– А что будет, если я и от тебя уйду? – она вяло усмехнулась. *Интересно, куда и с кем теперь?*

– Найду и обезглавлю. А твою красивую голову насажу на крест какой-нибудь церкви.

– И много голов ты уже насадил?

– Как правило, первым ухажу от женщины я. – Он вдруг резко поднялся и поймал взглядом часы. – Одевайся, милая, мы же опаздываем.

– Мне оставаться в этой пижаме? – Белую шелковую пижаму Рита нашла на своей стороне постели и была удивлена, когда увидела на вороте бумажную этикетку какой-то американской фирмы – *надо же, новая (!)*; ей еще подумалось тогда: сколько же еще таких пижам находится в этом большом и роскошном доме, словно построенном для любовных утех, свиданий?

... Волшебным местом, куда ее привез красавец Амфиарай, оказался большой ювелирный магазин на Тверской, название которого выветрилось из Ритиной головы, едва только она переступила порог этого выложенного голубым мрамором и задрапированного синим бархатом чуда дизайна и архитектуры. В центре круглого зала стояло три колонны, между которыми сверкала круглая же витрина, подсвеченная невидимыми огнями откуда-то сверху.

Риту, понятное дело, удивило, что магазин открыт в столь позднее время (было уже далеко за полночь). Но нетрудно было догадаться, что Амфиарая здесь знали и, разумеется, ждали.

Появился худой смуглый человек в белоснежном костюме в окружении четырех молчаливых, с каменными лицами мордovorотов в черных форменных костюмах. Телохранители или охранники, определила Рита. Не зная, куда ее везут, она надела, к счастью, свое платье, в котором была у Ащепковых. Ее любовник собирался ей явно что-то подарить. Рите, немного искушенной в подобного рода подарках, было любопытно узнать, обладает ли Рай вкусом и, понятное дело, какой суммой располагает. Ей, стоящей сейчас рядом с малознакомым мужчиной, с которым она провела в постели почти семь дней и о котором ровным счетом ничего не знала, стало нестерпимо грустно при мысли, что ее собираются купить в очередной раз. Она не понимала еще своих чувств к Амфиараю, а потому ей было сложно в создавшейся ситуации: принять ли готовящийся подарок или нет? Если она откажется принимать, то Амфиарай может обидеться, а если наоборот, то она будет чувствовать себя обязанной ему...

– Не робей, чувствуй себя как дома, – успел шепнуть ей на ухо Рай, прежде чем отойти от нее к господину в белом. – Выбери все, что хочешь, на свое усмотрение. Цена значения не имеет. Если я захочу, то смогу купить тебе весь магазин.

Ей не понравился этот снисходительно-дружеский тон, но она молча двинулась вдоль овальных витрин, скользя взглядом по сверкающим на бархате и атласе бриллиантам, золоту, жемчугам... В большом магазине их, помимо хозяина и его свиты, было всего двое, а потому было тихо настолько, что Рита боялась нарушить эту тишину цоканьем своих острых тоненьких каблучков. Боковым взглядом она видела, как Амфиарай и тот, другой, человек, тихо беседуя, подошли к центральной витрине, ярко освещенной, и остановились там. Страсть к красивым камням, привитая ей Оскаром, заставила Риту на некоторое время позабыть о том, где она и с кем. Завороженная радужными переливами драгоценностей, она кружила вокруг прилав-

ков, пока ее выбор не пал на платиновый набор – кольцо, толстый браслет, кольцо и серьги, украшенные зелеными и желтыми бриллиантами. Она нарочно выбрала именно этот, один из самых дорогих наборов, чтобы посмотреть, как будет вести себя мальчишка Амфиарай, когда увидит цену: почти шестьдесят тысяч долларов.

– Милая, подойди к нам, – вдруг услышала она и, вспыхнув от стыда за собственные мысли, неверным шагом направилась к центральной витрине, которая, словно остров, покачивалась у нее перед глазами. Ослабевшая физически и сильно нервничающая, Рита подошла к Амфиараю и только тогда увидела поблескивающий у него на ладони переливающийся радужными волнами довольно крупный бриллиант странного табачного оттенка. Необычная форма его, напоминающая каплю, навела Риту на мысль, что она видит перед собой кулон.

– Это очень дорогая вещь, господин Амфиарай, – услышала она тихий и какой-то глухой голос стоящего рядом ювелира. Слабый запах лимона и мяты, исходящий от этого почти неподвижного истукана, вызывал в ней какие-то неясные ассоциации. Когда она поняла, что именно вызвало у нее эти ассоциации, то ей стало еще хуже: такими же изысканными мужскими духами или одеколоном пользовался и брошенный ею Оскар. *Бросай все и беги, пока не поздно...*

Но было уже поздно. Она очнулась, когда на ее шее зазмеилась светлого золота цепь с этим самым каплеобразным кулоном. Ей поднесли зеркало, и когда она заглянула туда, то сразу же отшатнулась. Там, в прозрачной и пространственной глубине амальгамы, она увидела совершенно незнакомую ей женщину. *Неужели это я?* Сильно похудевшая, с горящими глазами и нездоровым румянцем во всю щеку.

– Тебе нравится?

– Такая вещь не может не понравиться, – сказала она с едва заметной насмешкой.

– Сколько? – Амфиарай быстро повернулся к ювелиру. – Говорите же!

– Двести пятьдесят.

– Беру. А еще что? – теперь уже он обращался к Рите.

– Платиновый набор, – не моргнув, ответила она.

– И платиновый набор. Покажи, какой именно.

Она видела, как он расплачивается наличными...

Амфиарай оставлял в этом призрачном магазине чуть больше трети миллиона долларов с таким видом, словно покупал колбасу салями или сыр сулугуни.

– Ты выйдешь за меня? – услышала она уже в машине, на которой они летели в витрину ночного города: то же сверканье ночных огней, те же бриллианты, сапфиры, изумруды...

– Ты, как и мой муж, хочешь меня купить за эти стекляшки?

– Нет, просто я захотел потратить на тебя много денег. Ты этого стоишь. Ты красивая, Маргарита, и я люблю тебя... Так выйдешь?

– Хорошо, выйду, но прежде мне надо встретиться с Оскаром. Я не преступница какая-то, я не могу вот так...

– Так позвони, какие проблемы?

Он крепко держал руль в своих руках, но ни разу не обернулся на ту, которой он только что сделал предложение.

Визг тормозов, машина остановилась возле никулинского цирка, в нескольких метрах от которого стояла ярко освещенная цветочная палатка. Мгновение, и на колени к Рите упал букет красных роз.

– Говорят, что красные розы дарить неприлично, – зачем-то сказала она, вдыхая аромат мокрых, тугих, бархатистых роз. – Это как приглашение к любви...

– Так ты выйдешь за меня? – перебил он ее грубовато, словно от того, что она ответит, зависело, куда он повернет руль в следующую минуту.

– Да, выйду, и хватит об этом. Я устала...

И она, откинувшись на сиденье, закрыла глаза. *Господи, помоги!*

Глава 14. Грецкий орех

Как и обещал Амфиарай, он привез ее в свою квартиру на Варварке. Наверху, возле лифта, их встретили двое незнакомых ей молчаливых мужчин в строгих костюмах и при галстуках, которые, пошептавшись в сторонке с Раем, исчезли, оставив на просторной лестничной площадке лишь их двоих перед распахнутой дверью, ведущей непосредственно в квартиру.

– Кто эти люди? – спросила Рита, когда они вошли и он тщательно запер за собой две бронированные двери. – И зачем тебе одному такая большая квартира?

Она еще из передней, напоминавшей своими размерами скорее театральный вестибюль, нежели прихожую холостяка, бросив взгляд на множество дверей, расположенных по обе стороны бесконечно длинного, уходящего куда-то в глубь дома, коридора, успела оценить ее нестандартные размеры.

Скользкий новый паркет янтарного тона, веселые оранжевые двери с мутно-молочными стеклянными вставками и золочеными гнутыми ручками и запах свежееотремонтированного жилья привел Риту к выводу, что она, быть может, первая девушка Амфиарая, которая посетила эти царские хоромы.

– Теперь ты будешь жить здесь. Пойдем. – Он взял ее за руку, как берутся за руки дети, когда выходят из детского сада на прогулку в парк, – я покажу тебе кухню, где ты будешь готовить мне еду. Ванную комнату, спальню... Тебе нравится здесь?

Сон продолжался. Рита на слабеющих ногах пошла за Раем, чувствуя за всем происходящим какую-то неестественность. Ей не нравилось, что он так рано заговорил о замужестве, что, кроме как в постели, он еще никак не доказал ей своей любви или хотя бы простого человеческого расположения. Ласки Амфиарая были какими-то механическими, сам он – неэмоциональным и даже сухим и грубоватым.

Тогда, спрашивается, что же со мной случилось?

Она задавала себе этот вопрос и позже, когда вновь оказалась в объятиях этого странного молодого человека. Физическое наслаждение, которое она испытывала с ним в постели, не могло заменить ей, привыкшей к экспрессивной ласке и нежности Оскара, чувства любви и привязанности, без которых совместная жизнь с мужчиной, по ее мнению, не могла состояться ни при каких условиях. Амфиарай – грецкий орех, и сколько должно пройти времени, чтобы она поняла, что он за человек, чем живет и дышит, что любит и ненавидит?

Помимо грецкого ореха, его можно было сравнить с мчащимся навстречу ветру диким и сильным животным – настолько движения его были ритмичны, яростны, губительны и страшны в своей стихийности. Даже в любви он был ненасытен, жесток и не терпел ни малейшего сопротивления. Время от времени примерно такие же необузданные желания просыпались и в Ритином теле, но только не в голове. И если там, на лоджии пресловутых Ащепковых, она рассудок все же потеряла, отдавшись незнакомому парню прямо на полу, то обретя его уже через несколько часов в машине Амфиарая, увозившего его подальше от Москвы, просто не смогла им воспользоваться, оказалась слабой и глупой.

Еще она винила в своих безумствах выпитое ею за столом сладкое красное вино. Но ведь это же был не первый в жизни выпитый ею бокал! Неужели все дело во внешней красоте Амфиарая, которая потрясла ее воображение и сделала своей покорной рабыней?

В ванной комнате, ярко освещенной и пахнувшей мылом, ночью Рита обнаружила напольные весы. Встала на них и поняла, что за несколько дней похудела на пять килограмм.

Амфиарай спал, разметавшись во сне, как застывший ветер.

Я бы хотела, чтобы он уменьшился в размерах настолько, насколько это необходимо для того, чтобы он мог поместиться у меня в кармане. И тогда бы у меня был карманный

мальчик, карманный возлюбленный, красивый, как драгоценный камень, как смуглый бриллиант, весом в тысячу карат...

Ее неожиданно вырвало. Организм чему-то противился. На ужин Рита из тех продуктов, которые нашлись в холодильнике, приготовила зеленый салат и легкую грибную запеканку. Все было свежее, о том, чтобы любовники ни в чем не нуждались, кто-то явно позаботился, а потому об отравлении не могло быть и речи. Беременность? Рита бесплодна. Арама сам поставил ей этот диагноз, пользуясь специальными медицинскими терминами. Проще говоря, внутренние органы ее были устроены таким образом, что сперматозоиды почему-то не достигали своей цели: «Словно внутри у тебя сложная по форме виньетка», говорил Оскар. Хотя он же высказывал предположение и об их несовместимости...

Это нервы.

Она вернулась в спальню. Амфиарай тоже проснулся и курил в постели. Его темные волосы блестели от света горящей на столе красной ароматической свечи. Кожа казалась покрытой золотой пылью, а глаза сверкали, как влажные черносливины.

– А вот днем твои глаза зеленые, – сказала Рита, опускаясь на низкое ковровое ложе, занимавшее треть спальни и расположенное напротив широкой кровати с зеркальной спинкой. Она уже успела оценить мягкий узорчатый ковер и аромат курительных палочек, которым были пропитаны все покрывала и подушки, раскиданные на этом поле любви.

– Иди ко мне.

– Нет, нет... Я хотела поговорить с тобой.

– Давай поговорим... Хочешь сигаретку?

– Я не курю, ты же знаешь.

– А ты покури. – Он легко соскользнул с постели и змеей свернулся между подушек. – Сделай хоть одну затяжку...

Ускользящий взгляд, по которому было трудно определить его истинное настроение, блуждал по лицу Риты, словно исследуя его.

– Скажи мне, Амфиарай, что происходит?

– А что у нас происходит?

– Как могло случиться, что я пошла за тобой? Ведь я до встречи с тобой была счастлива с Оскаром.

– Тебе захотелось другого мужчину, вот и все, – как всегда просто ответил Амфиарай и холодно улыбнулся. – И этим мужчиной, к счастью, оказался я. А что касается твоего мужа, так ты его никогда не любила. Уважение, преклонение, материальная зависимость и страх остаться одной без средств к существованию – вот и все, что тебя связывало с твоим Оскаром.

– Как просто ты рассуждаешь! – всплеснула она руками. – Ты же ничего, совершенно ничего обо мне не знаешь. Ну как можно так вот... примитивно рассуждать? Оскар – красивый и умный мужчина.

– Да, но ты его не любишь.

– Кроме того, он не беден, это правда.

– Но ты все равно не любишь его.

– Он пользуется у женщин бешеным успехом!

– Но это еще ни о чем не говорит, и для того, чтобы полюбить, нужно что-то другое.

– Но что?

– Не знаю.

– А что такое любовь?

– Сумасшествие.

– Но я не хочу быть сумасшедшей. Я хочу жить размеренной и спокойной жизнью, как жила прежде. Рано вставать и готовить кофе, варить овсянку, принимать душ и отправлять на работу мужа. Затем варить ему обед, смотреть телевизор, ходить на рынок, по магазинам,

устроить небольшие вечера, наряжаться... Я – нормальная женщина, я не хочу двадцать часов в сутки проводить в постели, теряя силы и ощущение реальности происходящего. Я не хочу вливать в себя ведра шампанского и икры, кататься по ночной Москве и покупать в сомнительных магазинах баснословные кольца и браслеты. Я не хочу зависеть теперь уже от тебя! Я ничего не понимаю! Зачем ты тратишь на меня столько денег? Селишь меня в свою квартиру, если совсем не знаешь меня?! Опомнись, остановись! Да, мне кажется, что я влюбилась в тебя, иначе бы не смогла совершить всех тех поступков, которые совершила. Мы узнали друг друга, провели чудесную неделю, а теперь пора возвращаться в реальную жизнь. Я уверена, что и у тебя полно дел. Ведь просто так десятки тысяч долларов с неба не падают... Кстати, – вдруг опомнилась она, – а чем ты занимаешься конкретно? Каким бизнесом?

– Всем, – ответил он уклончиво. – Я делаю деньги из всего, из чего только можно, живя здесь.

– И все-таки? Вот мой муж, к примеру, гинеколог...

– Твой муж, моя дорогая, у тебя за спиной продает наркотики. Не травку, нет, и не героин, а такие препараты, которые можно достать лишь в медицинских учреждениях. Ты думаешь, как я вышел на него?

– Через Леню...

– Правильно, потому что этот твой Леня, как ты его зовешь, доставал для моих друзей наркотики, те самые... Гинекология... Смешно! Откуда у простого врача, пусть даже и талантливого, такие деньги? Кроме этого, он торгует квартирами.

– Какими еще квартирами?

– А теми, которые якобы отходят в пользу государства.

– Ничего не поняла.

– Да чего же тут непонятного? Умер человек, одинокий, наследников нет. Квартира пустая. И сразу же, откуда ни возмись, находятся люди, которые быстренько переоформляют документы, делают в этой квартире ремонт и продают ее каким-нибудь чеченцам. Твой муж, моя дорогая Марго, деловой человек, и за это я его уважаю. Я бы даже дал ему денег на строительство роддома, но теперь, когда ты здесь, со мной, думаю, что это будет выглядеть, по меньшей мере, омерзительно.

Оглушенная, Рита слушала его и покрывалась гусиной кожей. Оскар – делец, мошенник?

– Ты все это придумал?

Она ожидала от себя серьезного выброса эмоций, но вместо этого ее тон получился усталым, как и она сама. Она так и не решила для себя, поверить ей Амфиараю или нет.

– Так ты предлагаешь расстаться? Ты хочешь вернуться к мужу?

Рита, представив себе мгновенно свое возвращение домой с неизбежным тяжелым разговором и градом упреков, внутренне содрогнулась. Затем в ее сознании промелькнули кадры – папахивающие болотным, затхлым лекарственным духом – продолжения их совместной жизни, где снова Оскар предстал перед ней, как и тогда на вечеринке, когда он предложил ей кисть винограда, в самом неприглядном виде.

– Он примет меня, в этом я не сомневаюсь, да только вот после того, что произошло у меня с тобой, как же я буду жить с ним?

– Мне кажется, я понимаю тебя. Тебе хочется порядка? Порядка во всем. Семья для тебя – это совместные завтраки с овсянкой, размеренная жизнь и предсказуемость. Так я могу тебя обеспечить всем этим на много лет вперед.

– Ты издеваешься надо мной...

– Ничуть. Ты хочешь определенности, и она будет. Ты встретишься с Оскаром, поговоришь с ним спокойно, насколько это, конечно, возможно, объяснишь ситуацию... что встретила другого мужчину. Договоришься о разводе, выйдешь за меня замуж и поселишься здесь со своими любимыми вещами и книгами, кассетами и... вязаньем, я не знаю там...

– Но у меня не может быть детей. Забыла тебе сказать.

– Это тоже не проблема. Возьмем на воспитание из детского приюта или прямо из родительского дома. За деньги сейчас можно купить хоть черта лысого.

– Но ведь ты ни разу не сказал мне о любви...

– Сказал. Я говорил тебе, просто ты не слышала меня.

– Любовь... Мне страшно... А мои родители... – Мрачная тень Клары, подхваченная ветром, заплясала на стене. Это были тонкие, трепещущие как живые, занавески на окне. – Что скажут они?

– Вот уж наша из-за кого переживать! Родители – сами по себе, а ты – сама по себе.

– А этот кулон... Зачем ты купил его? Ты просто вложил деньги?

– Нет, это мой свадебный подарок, как и те штуки из платины.

– А почему мы были там ночью? Разве нельзя было подождать до утра?

– Значит, нельзя, – уклончиво ответил он. – Хозяин знает меня, я покупал у него запонки, часы и просто камни. Деньги – ведь это бумага. А камни – они, как говорится, и в Африке камни... Тот кулон, что я подарил тебе, уникален... Я как-нибудь в другой раз расскажу тебе об этом бриллианте. Ты заметила, что он необыкновенного цвета?

Но ей этот разговор уже наскучил. Кроме того, ее зазнобило.

– Укрой меня, пожалуйста, что-то мне стало холодно... – Ей показалось, что спальня начала опрокидываться вместе с коврами, подушками и занавесками.

– Спи... Завтра сходишь к Оскару и поговоришь. Если хочешь, я подожду тебя на лестнице. А то вдруг он тебя зарежет.

Но Рита его уже не слышала – она спала.

Глава 15. Визит гиены

Он ожидал увидеть на пороге кого угодно, даже Клару, каким-то невероятным образом узнавшую об исчезновении дочери и собирающуюся потребовать у зятя объяснений (*еще один кошмарный сон!*), но только не Лению Ащепкова. Как гиена бежит на запах падали, так и он появился на запах разложившейся семьи. Прошло два дня, а Рита так и не позвонила...

Свежий, розовый, в новом костюме, благоухающий как яблочный пирог с корицей, Ащепков, едва увидев Оскара, бросился к нему чуть ли не с соболезнаваниями, схватил за рукава и принялся трясти:

– Оскар, только не надо ничего говорить, я все знаю...

– Что именно? – на всякий случай проговорил тяжело болевший с похмелья Арама. – И не тряс меня, мне и так худо...

– А вот пить нельзя! – трезвый, здоровый и румяный Ленья поднял кверху указательный палец. – Поверь, дружище, *они* этого не стоят.

Под «они», стало быть, подразумевались женщины. И в первую голову, конечно, сбежавшая от мужа неверная Рита.

– Выпьешь?

– Говорю же: пить – это все равно что расписываться в собственной слабости. Ба-а... – Он по-гитлеровски успел слегка похлопать Араму по черной от волос щеке. – Да ты к тому же еще и небрит, и неумыт, да от тебя разит, как от...

– Хватит, зачем пришел? – И Оскар, внезапно сообразив, какому только что подвергся унижению, побледнев, собрал последние силы и, накинувшись на гостя, схватил его за грудки и прижал к вешалке, вдавив в висящие плащи и дождевики: – Говори, мерзавец, ты знал? Ты что-нибудь знал о них?

– Я? Да помилуй бог, Оскар! Я ничего не знал, да ничего и не было, хотя Амфиарай давно положил глаз на твою жену. Он был у нас дома несколько раз, видел альбомы, я крутил ему любительский видеофильм, где вы были с Ритой. Он сразу выделил ее из всех, сказал, что красивая женщина. Вот и все!!!

– И все? И больше ничего не сказал? Или, может, ты ему что-то сказал? Или познакомил их раньше?

– Оскар, успокойся и отпусти меня, ты же меня задушишь! Уф... Вот дурак! Все-все, молчу... – Почувствовав свободу, он даже отбежал от Оскара и спрятался за дверь. – Я виноват, конечно, что пригласил в дом человека, которого практически не знаю, но ведь у него столько денег, столько денег, что тебе и не снилось! И я уже почти уговорил его вложиться в тебя... Разве мог я тогда предположить, что все вот так закончится? Да когда я увидел из окна, как они вдвоем садятся в его машину... Вот негодяй! Вот мерзавец!

Ленья осторожно вышел из своего укрытия и теперь стоял, привалившись к стене и тяжело дыша, и скороговоркой выдавал все, что только знал об Амфиарае:

– Он то ли грек, то ли ассириец, хрен его знает. Я продавал ему твои пузырьки, он брал, не торгуясь, и помногу. Я еще, грешным делом, подумал тогда, уж не обкалывает ли он баб. Потому что однажды нечаянно подслушал его телефонный разговор, и мне показалось тогда, что он имеет отношение к порнофильмам. Ну, знаешь, обкалывают девушек, запускают к ним мужиков, тоже обкуренных или обколотых, я не знаю, а потом те такое вытворяют... И все это снимается на пленку и потом продается за бешеные бабки.

Оскар застонал.

– Это хорошо, что ты пришел, – начал он тихо, медленно двигаясь в сторону побелевшего от страха Лени, – это очень даже хорошо, что ты пришел...

– Ты это, того... Ты сейчас ничего не соображаешь и, вместо того чтобы думать, как спасти свою жену, собираешься бить ни в чем не повинного человека, меня – своего друга! Ты разве еще не понял, что твоя жена *ушла с ним сама, по своей воле*. Вот и делай вывод, старый пень!

Он говорил так быстро, что Арама едва понимал его.

– Спрашиваю последний раз: ты знаешь, где она?

– Откуда же мне знать?

– Тогда выкладывай, где познакомился с этим греком, что о нем знаешь. Адрес, телефон...

– Адреса не знаю, а телефон вот, пожалуйста... – И Леня, словно заранее зная, что его будут спрашивать номер телефона Амфиарая, четко, без запинки назвал совершенно немыслимое количество цифр. – Хочешь ему позвонить? Пожалуйста, я даже сам могу набрать номер. Вот только о чем вы с ним будете говорить? О том, чтобы он вернул тебе сбежавшую жену? Подумай...

До прихода Лени телефон Амфиарая представлялся Оскару тайной за семью печатями, и вдруг теперь, когда номер стал известен и стоило только набрать его, нажать заветные цифры, он вдруг растерялся. А что, если эта греческая сволочь спокойно отзовется и даже сама предложит ему поговорить с Ритой? Как будет тогда вести себя Оскар? О чем говорить?

– Все равно. Звони, – решил он. – Так я хотя бы узнаю, жива ли она и здорова. А там... пусть сама решает. Она же не маленькая девочка, чтобы ее можно было привести за руку, отшлепать и поставить в угол.

И Леня позвонил. Он звонил минут двадцать, но никто так и не ответил.

– Раз так, значит, надо звонить в милицию. Пусть она ушла от меня, пусть бросила, все равно я не успокоюсь до тех пор, пока не услышу ее голос, пока не увижу ее собственными глазами. А уж после того, что ты мне рассказал про этого парня, тем более...

– Постой, не спеши. – Леня ласково, как женщина, положил Оскару руку на плечо и насильно, манерно и даже как-то театрально усадил в кресло. – Послушай меня внимательно и не говори, что ты меня не слышал. Я ведь, собственно, затем и пришел, чтобы кое-что предложить тебе. У меня есть один человечек, имя назвать не могу, который мог бы помочь тебе разыскать Риту. Он, конечно, дорого берет, но зато работу выполняет... – И он с чувством, изящно поцеловал свою щепоть, растопырив пальцы лепестками ядовитого плотоядного цветка. – Мало того что он узнает адрес, где находится клетка, в которой сидит птичка, он же еще и делает снимки специальной техникой. Может по желанию клиента и запись разговора сделать на большом расстоянии. Если хочешь, могу посодействовать.

– Леня, какая же ты все-таки свинья... Сколько?

– Для начала две штуки, а потом, когда появятся снимки, еще столько же. Амфиарай – таинственная фигура, его в Москве почти никто не знает, а потому работа будет сложная, кропотливая...

– И твои десять процентов, скотина? Хочешь поживиться на чужом несчастье?

– О чем ты говоришь, Арама? И чем только голова твоя забита?! Проценты... Нет, вы только посмотрите на этого несчастного брошенного мужа! Неужели тебе все равно, что делают где-то *там* с твоей Ритой? А что, если на самом деле фильм снимают? Ты вот что, время не тяни, а соглашайся. У тебя на раздумье всего пять минут. Я же деловой человек.

– Не понял...

– Он там, внизу, в машине ждет. И вообще, старик, две штуки в наше-то время – это еще по-божески.

– Когда-нибудь, Леня, тебе башку...

– Вот только не надо угрозы. – Леня выставил ладони и занял оборонительную позицию. – Каждый живет так, как может. Я свожу людей, делаю полезное дело и получаю за это деньги.

Чем не бизнес, не понимаю... Ты – достаешь свои деньги... не буду даже называть это священное... Так что, все, доставай свои денежки и спускайся вниз, я тебя там подожду. Только без глупостей, я имею в виду милицию... Этим ты только все испортишь.

Глава 16. Друзья по несчастью

Она вот уже неделю не появлялась во дворе дома, и доктор Арама выходил из подъезда один. Устраивая наблюдательный пост возле окна, Саша даже развернул свой письменный стол с компьютером перпендикулярно подоконнику, чтобы весь двор был у него как на ладони. Зная примерное время, когда Рита выходила из дома по хозяйственным делам (Саша к этому времени уже успел выучить наизусть ее маршрут: все магазины, рынки, аптеки...), он словно прилипал к окну и до рези в глазах всматривался в прямоугольный козырек подъезда, обрамленный, будто портретами в белых рамках, окнами первого этажа со всей прилегающей к этому центральному объекту местностью, включающей в себя посаженные как попало липы, тополя и кусты сирени, серую асфальтовую площадку и невзрачный слепой уличный фонарь. Иногда в появившейся в поле его зрения женщине он явственно видел Риту и даже угадывал ее походку, но спустя несколько мгновений понимал, что это самый настоящий обман зрения, и только лишний раз убеждался в том, что человек – удивительное существо, склонное к самообману, которое всякий раз видит то, что хочет...

Между тем версии исчезновения Риты, одна чудовищнее другой, бродили в голове, как привидения. А ведь она могла умереть... Скоропостижно. Но, с другой стороны, если бы она умерла, то ее бы хоронили, и весь бы подъезд собрался, чтобы поглазеть на это пышное, торжественное и, главное, бесплатное зрелище. Нет, значит, она не умерла. Но тогда куда же она могла деться? *Разве что доктор Арама убил свою жену? А труп закопал, как водится, в лесу.*

Рисуя страшные картины зверского убийства Маргариты, Саша стал находить в этом какое-то щемяще-сладостное, сродни мазохистскому, наслаждение. Но это скоро прошло, и тогда другая мысль овладела им: *Рита заболела, и доктор на своей машине ездит ее навещать в больницу, возит цветы и фрукты.* И хотя ни того, ни другого Саша не видел в руках своего ставшего в одночасье одиноким и несчастным соперника, все равно, Оскар мог купить все это по дороге в больницу. И тогда Саша решил во что бы то ни стало выяснить, где именно лежит его возлюбленная, с тем, чтобы самому купить ей букет роз и принести в больницу. Представляя, как его с огромным букетом пропускают в палату, где лежит обложенная подушками и изнуренная капельницами Маргарита, он весь покрывался испариной, до того нежной и трогательной казалась ему эта необыкновенно красивая и страшно несчастная в браке (Саша в этом никогда не сомневался) женщина.

Приняв решение разыскать ее, он, представившись пасынком Маргариты Арама (сыном он не решился, главным образом из этических соображений и попросту чтобы не накликав беду на собственную мать; для племянника же поиски пропавшей тетки выглядели бы не столь, на его взгляд, убедительными, не говоря уже о других категориях родства), сначала позвонил в бюро по регистрации несчастных случаев. И там, предварительно успокоив его тем, что женщина с такой фамилией у них не числится, Саше на удивление вежливо и с сочувствием объяснили, как ему следует действовать дальше, куда звонить, чтобы выяснить, в какой больнице лежит его мачеха. Он звонил почти целый день, но ничего полезного для себя так и не узнал. Обзванивать же морги не решился. Оставался один выход – идти к самому доктору Араме и любыми путями выведать у него, где он прячет свою жену.

По природе замкнутый и внешне стеснительный и робкий, но в глубине души дерзкий и упрямый, Саша в этот же день вышел из дома, и сел на скамейку возле подъезда, где жил Оскар, и стал поджидать его возвращения с работы. Он еще не знал, о чем говорить с незнакомым ему человеком, но на всякий случай запасся пакетом с бананами, которые якобы предназначались больной. Без какого-либо плана, полагаясь лишь на интуицию и решив действовать в соответствии с обстановкой, он, дождавшись приезда Оскара, встал со скамейки, подошел к нему и, краснея, произнес первое, что пришло ему в голову: «Добрый вечер. Меня прислала подруга

вашей жены...» И тут, на его счастье, Арама, которого вывел из задумчивости голос незнакомого молодого человека, вдруг вздрогнул, резко повернулся и нечаянно выдал ему чудесную подсказку. Он спросил: вы от Веры? «Да, от Веры, – радостно солгал Саша. – Она хотела прийти к вам сама, но у нее что-то там не получилось... Вы не могли бы сказать, где находится ваша жена, Маргарита, чтобы Вера навестила ее? Она бы съездила в больницу уже сегодня...» – «В какую еще больницу?» – «А разве ваша жена не в больнице?» Но, вместо того чтобы ответить, Арама внимательно оглядел стоящего перед ним паренька с головы до ног и вдруг пригласил его зайти к нему. Понимая, что самое страшное, что может произойти в квартире Арамы, это полное Сашино разоблачение, тот немедленно согласился. Они поднялись, и за это время доктор не произнес ни слова. Открыл дверь и жестом пригласил Сашу войти.

– Проходите сюда, молодой человек... Можете не разуваться. Вот кресло, присаживайтесь. Хотите чего-нибудь выпить?

– Нет, спасибо, я не пью...

– Вот и замечательно. Так, значит, вы от Веры? И что же вам сказала Вера о моей жене?

– Ничего... – Саша почувствовал, как защипало его глаза, а в ушах зазвенело. Ему захотелось ясности, и немедленно. – Больше того, я не знаю никакой Веры. Я ваш сосед, живу в доме напротив. Мы с вашей женой немного знакомы, – он посчитал это вполне безобидной ложью, поскольку сейчас самым важным для него было все-таки выяснить хотя бы что-нибудь о ее исчезновении. – Я несколько раз помогал ей донести сумки, мы разговаривали... А потом она стала давать мне книги... (Он не смог придумать ничего более нейтрального и безобидного, чем книги, тем более, что они наверняка имелись в каждом доме, и что могло быть дурного в том, что взрослая женщина по дружбе, просто в знак симпатии к соседу, почти мальчику, снабжала его хорошей и, главное, полезной в его возрасте литературой?)

– Значит, наврал? – Арама выглядел разочарованным.

– Наврал.

– А про Веру откуда знаешь?

– Так вы же сами сказали.

– А... И правда. Значит, ты подошел ко мне, чтобы выяснить, где моя жена? Ты, случайно, не в юридическом учишься? На следователя или прокурора?

– Нет, а почему вы так решили?

– Это не я решил, а ты наверняка решил, что я убил твою соседку, то бишь свою жену...

Саша густо покраснел и, не выдержав, улыбнулся.

– Да, примерно такие мысли у меня и были... Это глупо?

– А ты не боишься, что не выйдешь отсюда?

– Боюсь, – честно признался он. – Но перед тем, как дать мне выпить яд или застрелить меня из пистолета с глушителем, все-таки скажите: где ваша жена?

И тут он увидел, что в глазах Арамы блеснули слезы. Самые настоящие.

– Если б я только знал...

– Но ведь вы же были в тот вечер вместе! – выпалил Саша, не успев подумать о последствиях. – Я же сам видел!

– Бедолага! Да ты никак влюблен в мою Риту... Ты следил за ней? Понятно. Интересно, и много вас таких?

– И где же вы ее потеряли? – не обращая внимание на издевательский тон доктора, спросил Саша. – Поссорились, она вышла из машины...

– Не фантазируй. Все гораздо проще. Мы были в гостях, и оттуда уже она ушла с другим мужчиной. Вот и все.

– И она больше не вернется?

– Не знаю... Мы с ней не виделись с тех самых пор, она не звонила... Вот такие дела, парень... Тебя как зовут-то?

– Саша.

– Так, может, все-таки выпьешь? Хотя бы пивка?

– От пива не откажусь.

– Вот и отлично. – Оскар пошел на кухню.

– Послушайте, – крикнул ему вдогонку Саша, – но как же вы могли все это время не разыскать ее и не убедиться хотя бы в том, что с ней все в порядке? А что, если вы ошиблись и она ни с кем не ушла, а ее похитили, к примеру? Вы точно знаете, куда и с кем она ушла?

– Можно сказать, что так... – Он вернулся и поставил на стол перед гостем банку с пивом. – Давай выпьем за знакомство. Знаешь, это даже хорошо, что ты не побоялся и подошел ко мне. Люблю таких людей. Правда, приврал самую малость, но это ничего. Ты действительно встречаешься с моей женой, разговариваешь с нею?

– Не совсем... Просто я хожу за ней: куда она, туда и я. На рынке наблюдаю, как она покупает продукты, как смешно торгуется... Она у вас красивая, и я хотел бы познакомиться с ней поближе, конечно. Я понимаю, все это глупо. И то, что мы сидим здесь с вами и пьем пиво, разговаривая о ней, и то, что я признался вам в том, что влюблен в вашу жену...

– Ну, о любви, положим, я слышу первый раз.

– Да какая разница. Просто я извелся весь за эту неделю. Даже стол придвинул к окну, чтобы лучше виден был двор, ваш подъезд... Я и сам не знаю, что со мной.

– Выходит, мы с тобой друзья по несчастью? Да уж, ну и дела...

– Вы мне не ответили: она здорова? Вы наводили справки?

– Один человек обещал мне ее разыскать, я даже заплатил ему, но пока все безрезультатно.

– А в милицию не обращались?

– Хотел обратиться, но меня отговорили. Если бы это было настоящее похищение, я бы, разумеется, обратился. Но Рита ушла сама, ее никто не заставлял. И один мой приятель видел, как она садилась вместе с этим типом в его машину. Так какой смысл обращаться в милицию? Меня же на смех подымут.

– Я мог бы вам помочь, если бы знал хотя бы имя и фамилию того... с кем она ушла.

– Он не москвич, а потому бесполезно обращаться в паспортный стол или подобную контору. Он – птица хоть и высокого полета, но залетная, хищная... К тому же он нерусский, вот только национальность я его так и не понял. Зовут Амфиарай. Ты когда-нибудь слышал такое имя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.